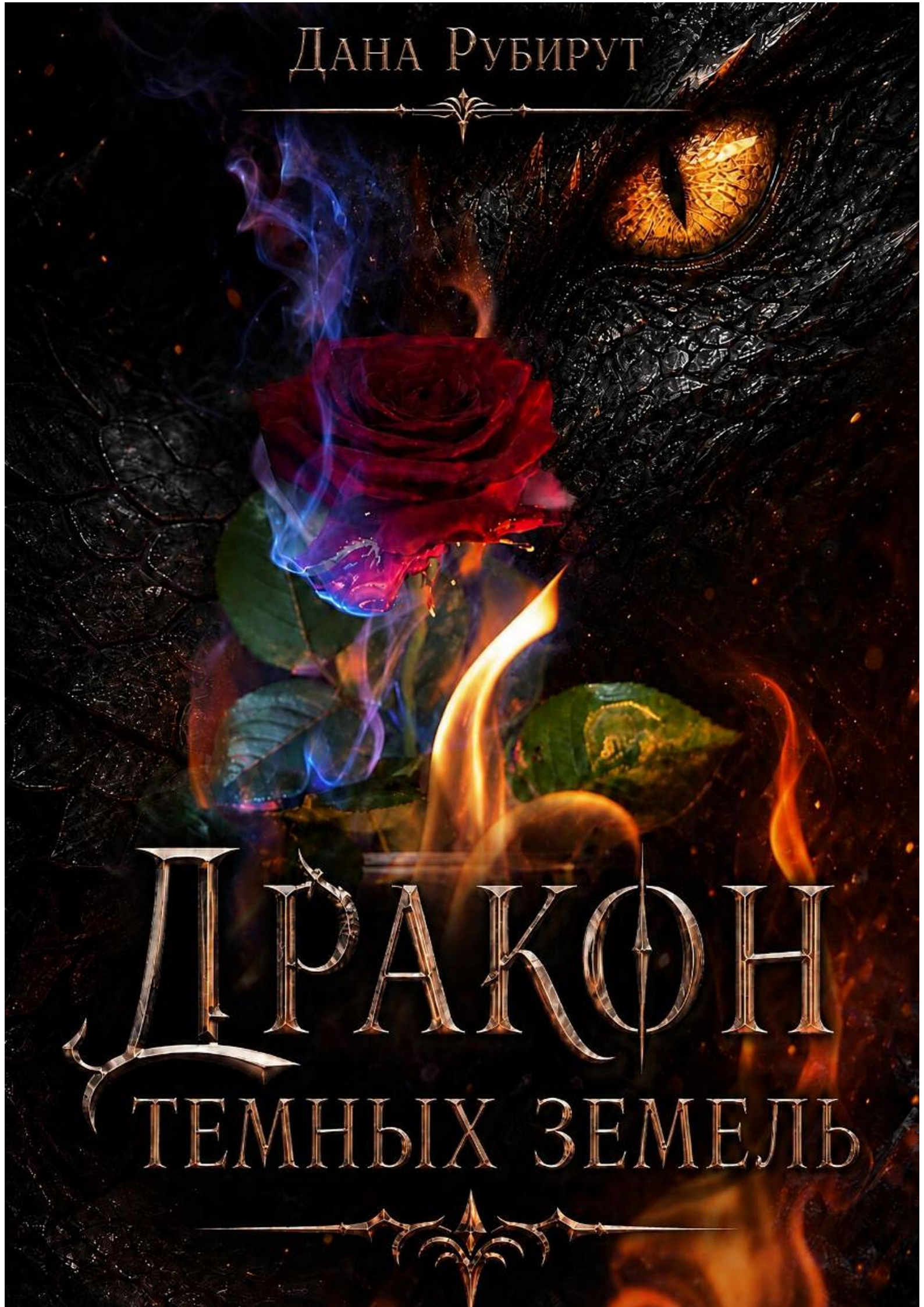
Дана Рубирут
Дракон
темных земель

Дана Рубирут

Дракон темных земель

«Автор»
2026

Рубирут Д.

Дракон темных земель / Д. Рубирут — «Автор», 2026

Драконы. Сколько историй о драконах вы слышали? Сколько миров вы видели? Сколько раз судьба преподносила им суженую? Перед вами еще один мир и еще одна история о любви. О темном драконе без пламени и о той, кто зажжет его сердце. Они встретятся в мире, полном легенд, проклятий и теней минувших эпох. Два сердца, уже предназначенных друг другу. Воин — страж проклятых земель и хрупкая девушка, бесконечно далекая от мира битв, интриг и магии. Ей придется пройти этот путь, узнавая все больше, прикасаясь к тайнам и открывая свое сердце.

© Рубирут Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 20
Глава 6 24
Глава 7 28
Глава 8 32
Глава 9 37
Глава 10 40
Г 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Дракон темных земель

Глава 1

Черные пустоши на границе с землями нежити полыхали огнем, осыпающийся пепел, стелился тлеющей поземкой по выжженной земле. Под порывами ветра клубы едкого дыма расступались в стороны, открывая взору горизонт и ближайшие пологие склоны горной гряды.

Отряды рыцарей в доспехах добивали уцелевшую нежить, устоявшую под драконьим пламенем.

Среди горящей огненной пустыни появился он — темная фигура, король пограничных земель нежити, дракон в человеческом облике: владыка Альдгрейн.

В его золотых глазах полыхало пламя, белоснежные пряди волос лежали на широких плечах, и отблески алого зарева отражались в черненом металле доспехов. Драконья броня еще не остыла от битвы, раскаленный металл причудливо светился в дымном мареве.

Из горы пепла выбрался скелет в изодранной кольчуге предыдущих времен и бросился на дракона. Альдгрейн даже не взмахнул мечом. Он ответил ударом руки в железной перчатке, легко проломив грудину противника, словно тот был из пергамента.

Кости рассыпались. Нежить мгновенно обратилась в прах, и наконец упокоилась уже в который раз. Старая кольчуга и ржавый клинок остались лежать в горсти серого тлена.

Привыкший сражаться Альдгрейн, отточенным движением убрал меч в ножны.

Он стоял на поле очередной выигранной им битвы, гаснущие искры опускались на доспехи: пора перейти к сути, это еще не все. Подойдя к зияющему провалу, он осмотрел вход в древний склеп — единственное место, не тронутое огнем.

Из черноты доносились шорохи: неприятный звук перемежался со скрежещущим цоканьем, сменяясь чавкающим хлюпаньем. Большинство существ этого мира, услышав подобное, спасались бы бегством.

Все звуки прекратились: хозяин почуял его присутствие.

Из-под земли медленно появился паукообразный монстр. Верхняя часть была человеческой — юной женщиной, но с талии начиналось тело паука.

Альдгрейн скрыл напряжение — она опасна: белый монстр, с угрожающим обсидиановым узором на паучьем брюхе в виде скрещенных кос смерти. Черный и белый — признаки древнего могущества, цвета абсолютной силы, всегда сулили сложного противника.

Он знал: все могущественные существа этого мира носили отпечаток своей силы, как и он сам. Цвет глаз, цвет волос многое говорили о своих обладателях. От постоянного применения могущественной, действительно сильной магии волосы белели.

Арахна замерла у входа глубокой норы и смотрела на Альдгрейна снизу вверх хищно светящимися розовыми глазами, полными злобы. Пауки ненавидели драконов, ведь они легко сжигали паутину — одну из главных сил паучьего рода — оставляя их беззащитными. Но пауки развивали способности к ядам и устойчивость к огню. У достаточно сильного паука было что противопоставить дракону, часто они использовали неимоверное количество тварей. Нападая скопом. Ни в одной из битв прошлого пауки и различные расы арахнидов не были союзниками драконам.

Драконье племя также ненавидело паучьих монстров: они могли достигать внушительных размеров. Если дракон попадал в засаду и не мог сжечь паутину достаточно быстро, то погибал — паучьи твари не мешкали.

Два заклятых врага замерли, рассматривая друг друга.

Альдгрейн отошел от склепа на несколько метров. Арахна медленно выбралась, нервно перебирая лапами. Ее белые волосы растрепались. Человеческую часть тела укрывала кружевная накидка. Черты лица — поразительно красивы для древнего монстра.

Крупное паучье тело позволяло ей возвышаться над Альдгрейном. Она окинула его оценивающим взглядом сверху вниз.

Он поднял руки, показывая открытые ладони: в них не было оружия или скрытой магии. Она оглядела дракона еще раз, скрестила тонкие белые руки на груди и улыбнулась, показывая пару ядовитых клыков. Ее голос переполняло ехидство:

— Приветствую тебя, темный дракон умирающих звезд, повелитель пепла и праха, владыка Альдгрейн.

В мире различный огонь сравнивали с пламенем небесных светил. Драконов часто называли каким-либо пламенем звезд — почетный титул сильнейших.

Альдгрейн — хозяин уникальных сил. Он обращал врагов в пепел и прах, дымный смог заставлял гаснуть солнце, в битвах в нем задыхались целые армии. Но и секрет у него был, его драконье пламя проявлялось крайне мало. Потому он носил титул дракона умирающих звезд. Его сила не сияла огнем, его сила — смертоносный сумрак.

В мире, где магия противостояла другой магии, как бы ты ни был силен, враги могут быть еще сильнее. Не владеть огнем — слабость для представителя драконьего рода.

Альдгрейн перевел взгляд на паучиху, не уделяя времени приветствию:

— Арахна, я был удивлен, получив от существа, подобного тебе, просьбу о помощи. Ты хотела, чтобы я и мой отряд истребили всю нежить в близлежащих долинах, и предложила кое-что интересное взамен. Для чего тебе эта сделка?

Арахна была древнее его: он жил сотни лет, она была существом более сакральным. Он знал эту эпоху, она знала предыдущие эпохи. Паучиха изящно повела плечиками и ответила с лукавством.

— Мне нравится жить здесь. На краю земель нежити меня все устраивает: дальше твои земли, дракон. А со стороны гор по склонам простирается старый лес. Но нежить стала плохо спать в своих гробницах. Они заполонили ближайшие земли и отравили скверной все вокруг. Расхитители гробниц потревожили что-то могущественное в глубине.

Альдгрейн сверкнул глазами на паучиху, вертикальные зрачки сузились.

— Что-то знаешь, паук, не изворачивайся?

Арахна ответила со вздохом, устремив задумчивый взгляд к горизонту. В ее голосе проступил след чужого языка, в окончании фраз она цокала и говорила, шипя с придыханием. Язык монстров.

— Не больше твоего, дракон. Что-то рыссскает. Едва теплится. Словно случайно позабытые тлеющие угли. Возможно, так и останется... но, может, кто-то подкинет горсть сухой соломы. Думаю, что сила эта давно забытая. Не из этой эпохи. Когда я пытаюсь ухватить магическую нить присутствия, я испытываю страх, это внушает мне ужасс.

— Почему бы тебе просто не уйти отсюда? Но ты попросила дракона, заклятого врага, о помощи. Жалуешься на обилие нежити, — он указал рукой на провал в земле, — и живешь в пустующем склепе. Где трупы ожили и разбежались по округе.

Арахна фыркнула и откашлялась, возвращая голосу человечность. Ее паучья часть подняла лапы и стала в защитную стойку, угрожая.

Дракон выгнул бровь: она действительно его боялась, но дорожила своим странным жильем гораздо больше.

— Послушай, я не буду на тебя нападать, я бы мог просто убить тебя раньше. — Альдгрейн многозначительно растянул слово “убить”.

Арахна насторожилась, уже в который раз, она не спускала с него взгляда, следя за каждым его движением. Ее голос прозвучал нарочито небрежно:

— У меня здесь дети, и я не могу уйти.

Альдгрейн размышлял, сжав рукоять меча: целый выводок на границе проклятых земель и его герцогства — слишком опасно.

Она древняя, хоть и выглядит на двадцать пять человеческих лет. А у древних свои причуды. Она достаточно человечна в некоторой степени, но ее дети могут быть просто огромными пауками, которые владеют магией, смертельным ядом, проживут сотни лет и вырастут размером с дом. Он не мог их оставить.

Альдгрейн вкрадчиво произнес:

— Арахна, я должен посмотреть.

Паучиха издала пронзительный цокающий звук, переходящий в шипение. Готовая биться за склеп до последнего вздоха, возле нее сгущалась магия.

— Арахна, — отчеканил дракон, — просто покажи мне свой выводок.

— Откуда мне знать, что ты ничего не сделаешь?!

Он поднял руку, накладывая на себя магическую клятву:

— Клянусь. — Он мог приказать отряду это сделать. Но сейчас важнее, чтобы она показала, кого прячет.

Арахна отступила к норе. Она цокала и чирикала в глубину, снова злобно оглядываясь на него.

Из норы показались дети — обычные дети. Все в белом, без паучьих черт. Им всем на вид — около семи лет по меркам людского рода. Они обступили свою мать и стремились прильнуть к ней, некоторые, пониже ростом, забрались под нее. В детских взглядах смешивалось любопытство и страх.

Альдгрейн вздохнул: ему не придется истреблять семейство тварей. Их отец не монстр, он точно имел человеческую ипостась, скорее всего, мог менять форму.

Дети вполне человечные, он удовлетворенно кивнул, отпустив рукоять меча:

— Хорошо, мои рыцари очистят все ближайшие долины. Ты обещала кое-что в обмен за помощь.

Арахна, переставляя свои паучьи лапы, приблизилась. Дети нечеловечески синхронно приблизились вместе с ней. Достав небольшой предмет из-за пазухи, она протянула руку:

— Древняя реликвия из далеких эпох, кусочек полотна, который ткала паучиха. Прамать всех арахнидов. В ее жилах плескалась сила, способная менять этот мир. Она ткала и влияла на судьбы. Ты можешь использовать это для ритуала, но прядущая судьбы не желала войн. Кусочек полотна подойдет для обряда, чтобы сила мироздания подарила тебе твою судьбоносную половину. Обретя пару, твое пламя разгорится, дракон, и твоя магия не будет больше для тебя проклятием.

Альдгрейн втянул воздух. Его золотые глаза ярко вспыхнули. Он желал этого. Он желал быть королем этих земель со своей королевой. Продлить род, не с кем-то умеренно подходящим, заключив временный брак. Ему необходима истинная пара, чтобы его сила без последствий проявилась в его детях и обрела новые черты.

Он мало помнил своих родителей, но знал главное: они были истинной парой друг для друга, и предначертанный союз породил его — одного из сильнейших. Его отец владел пламенем и смогом, но Альдгрейн воплотил в себе более уникальные способности, сила его отца получила в наследнике многогранное развитие. Это возможно только с парой, предначертанной мирозданием. Но такая пара появлялась не у всех.

Арахна знала, что ему желаннее всего.

— За это я хочу, чтобы ты дал мне документ на эти земли, заверенный имперскими печатями.

Альдгрейн опешил, едва не открыл рот от удивления: «Он считал ее монстром? Весьма предприимчивая дама!» Он обвел взглядом толпу детишек, они уже расслабились и даже стали слоняться вокруг.

— А также я предоставлю список вещей для жизни и хочу все получить поскорее. Вот мое имя, — она протянула ему небольшой свиток, — пусть его впишут в документ, где укажут, что земля моя.

Он развернул бумагу, его голос звучал глухо.

— Твое имя — Анаит. — Что же, он подарит ей несколько долин и часть гор на границе с землями нежити. То, что он получил взамен, было очень ценным для него.

— Будь осторожен, дракон: воспользовавшись этим, ты обратишься к запретной силе и подвергнешься проклятию.

Альдгрейн и сам это понимал. Он готов заплатить столь дорогую цену.

Сегодня он заключил странный союз. Какая занятная паучиха. Арахна выбрала место, где ее потомство защищено от лишних глаз и под боком у дракона — ее сородичи сюда не сунутся. Отец этих детей не монстр и не арахнид, они больше люди, чем монстры. Хороший выбор для нее, иначе они могли бы попытаться съесть свою мать.

Глава 2

Обжитые земли. Окрестности замка Алторум. Спустя год.

Невысокая женская фигура озиралась, и как могла проворно пробиралась вдоль заводей, намытых холодным горным ручьем. Окружающий лес уже окутывал сумрак, между скал веяло прохладой. Женщина плотнее завернула в шерстяной плащ свою полную фигуру, с заботой прижимая к себе новорожденное мирно спящее дитя. Она аккуратно поправила скрывающий медальон, испещренный древними рунами сокрытия. Символы мерцали тусклым светом. Пониже надвинув остроконечный капюшон, она продолжила путь в глубину ущелья.

Солнце уже опустилось за зеленые вершины. Его уходящие, трепещущие лучи касались лишь самой верхней части нависающих утесов. Между камнями обильно поросли папоротники и цветущие кисти душистых сиреневых цветов.

В сгустившемся сумраке духи ночного ветра качались на ветвях. Они походили на огни одиноких свечей, которые ожили, свободно порхали от одного цветка к другому в невесомом волнообразном танце.

Течение ручья, то приобретало быстрый бег между замшелыми валунами, то впадало в спокойные заводи с изумрудной водой. Непотревоженная поверхность тихих запруд все больше отражала множество золотистых бликов от кружащихся огней.

Опавшие цветы медленно плыли по воде и крошечные рыбки, толкали их, проявляя интерес, заставляя их покачиваться на поверхности и распространять круги по зеркалу водной глади.

Алдис устремилась в самую дальнюю часть лощины, где скалы подобно грозным стражам тесно смыкались, круто нависая и грозя раздавить путника.

На вершине, чуть поодаль от голых утесов возвышался величественный замок Алторум, окруженный неприступными зубчатыми стенами. Лучи заходящего солнца еще золотили пики самых высоких башен. Светлые стены светились в сумерках позднего вечера.

Но в глубине ущелья уже царила ночь и бал волшебных огней. Тонкие трели вечерних птиц сливались с журчанием воды в ручье. В воздухе сгущался сладкий, чуть терпкий запах цветов, словно волнами распространявшийся по лощине.

Пройдя под нависающей глыбой, Алдис замерла. По камню шла широкая трещина — вода и время делали свое дело. Совсем скоро массивная часть утеса обрушится, и тогда речушка изменит свое течение, всегда находя путь. Махнув рукой и отогнав мерцающих духов, Алдис все глубже погружалась в тонкие сплетения лиан. Оборвав стебли, она слегка очистила небольшой проход в скале. Необходимо подождать, пока поздний вечер превратится в глубокую ночь.

Когда небо замерцало множеством звезд, Алдис вошла в потайную дверь. Она нерешительно ступила на очередную щербатую ступеньку из грубого камня, медленно поднимаясь в замок, где ее ждали.

Слабое заклинание света лишь немного разгоняло тьму, по мере продвижения звук капели становился все громче. Тянуло сыростью, стены блестели от влаги, веками проступающей через поры камня. Ползающие насекомые, заставляли выверять каждый шаг.

Вскоре проход вывел в просторную пещеру, весь свод покрывали копошащиеся тела летучих мышей. Анфилада из гротов уходила в сердце скал. Алдис прошла несколько огромных залов, усеянных обломками породы. Она шла в полной тишине, слыша лишь эхо собственных шагов и сбивчивое дыхание.

Наконец показалась узкая лестница, ведущая наверх. Преодолев остаток пути, Алдис проверила сверток, младенец крепко спал. Она остановилась перед дверью и без единого звука отворила ее.

Алдис оказалась внутри замковых стен, в одном из альковов в самой неприметной части двора — полностью скрытая в тени ночи.

К ней подошел высокий статный мужчина в дорогих одеждах: роскошный синий плащ, расшитый серебром, окутывал его фигуру. Алдис почтительно склонила голову и прошептала:

— Ваша светлость герцог Гвендолион, все получилось. Вот. — Отодвинув полы плаща она показала малышку. Мужчина устремил взгляд на младенца, в его красивых синих глазах читалась печаль.

— Ты не снимала артефакт сокрытия ни с себя, ни с ребенка?

Алдис решительно прошептала:

— Нет, магия действовала все время на нас двоих. — Герцог кивнул и раскрыл полы своего плаща, там он держал сверток с другим младенцем.

— Будь ей вместо матери, береги ее. — Его голос сдавило хрипом, а черты лица исказила боль. — Мы назвали ее Айнериса, — склонившись к ребенку в его руках, он прикоснулся щекой к крошечному лобику младенца, продлевая объятие. На лбу малышки показались капли, похожие на слезы:

— Отправитесь в город Руис. Там уже все готово. Не снимай с нее скрывающий амулет пока вы не окажетесь под магическим барьером, накрывающим город.

Он прижал дитя к себе не желая отпускать, в густой тьме казалось, что его щеки влажные от слез. Две фигуры осторожно обменялись свертками. Алдис проскользнула обратно в потайную дверь.

Через несколько минут Гвендолион вернулся в спальню к жене. Едва он открыл дверь, Лилиана устремила на него вопрошающий взгляд, полный отчаяния и тревоги. Он прижал палец к губам, призывая жестом сохранять молчание. Прошел к ее кровати и начертил в воздухе руны сокрытия. Затем активировал маленький драгоценный камень с руной, символ наполнился светом, окутывая их едва заметным барьером. Он протянул жене сверток. Она прижала дитя к груди. С печалью в голосе произнесла:

— Они похожи. — Ее глаза наполнились слезами, во взгляде появилось осуждение, прижимая ребенка так, будто желая укрыть от всего мира, она прошипела:

— Если бы я была твоей парой, предначертанной мирозданием, ты бы не отдал наше дитя.

Гвендолион обреченно вздохнул. Ее слова задевали давнюю боль его души и свежую рану от принятого решения. Он сожалел, что все так обернулось.

Пара, дарованная мирозданием и знак — рисунок на запястье в виде браслета. Тот, кто создан для тебя, чьи эмоции и помыслы отражаются, как свои собственные. Дети от такого союза нужны мирозданию, они влияют на судьбу мира. Гвендолион мягко сказал:

— Лилиана, милая, послушай. Я не имею предначертанной пары, как и ты, но я бесконечно люблю наше дитя и всех своих детей. Мое сердце разрывается и противится этому решению, но разум остается холоден. Мы пошли на это, чтобы наш ребенок жил и был в безопасности.

Он протянул руки и утешающе обнял свою супругу.

— Я даже не могу представить, каково тебе, когда ты носила это дитя под сердцем. Нашу дочь не получит кровавый канцлер Ниадмор. Фракция Порядка не сделает ее рычагом давления. Слияние наших сил наделит нашу дочь благословенной силой — она ценнее золота. Магия пробудилась бы в ней раньше, чем брачная метка. Жрецы Порядка попытались бы забрать ее. Лилиана, этот трудный выбор, остается единственным выходом. Иначе наше дитя стало бы средством достижения чужих целей.

Лилиана слушала, горестно опустив плечи. Чувство собственного бессилия давило на нее. Она ненавидела это решение, но иного пути предложить не могла.

Гвендолион нежно сжал ее запястье, посмотрев в ее глаза, полные непролитых слез и немого укора.

— Пусть мы непредначертанная пара, но я всегда следовал этикету договорного брака. И относился к тебе так, будто нас связывает сама судьба «Вредить своей паре — значит вредить себе». Я всегда следовал этому завету, Лилиана.

Во временных союзах аристократии существовало много правил, как следует относиться к своему избраннику. Гвендолион всегда уделял этому внимание. Лилиана отвернулась и хранила молчание, качая малышку на руках.

Он утешал жену.

— Это дитя будет расти вместе с нами, вместо нашей дочери. Так мы защитим нашу малышку. Кровавый канцлер тайно нанесет визит сюда, в Алторум. Он посмотрит, не станет ли ребенок предначертанной парой его врага, одного из темных драконов. Подмена не станет избранной для дракона. За нее не нужно бояться.

Лилиана не сдержала одинокую слезу, слушая мужа. Гвендолион осторожно убрал прозрачную каплю.

— Спустя годы нам нанесет визит сам дракон мертвых звезд владыка Альдгрейн. Он совершал обряд синезиса, прося у высшего мироздания даровать ему суженую. Провидцы указали на наше дитя. Только предсказатели его врагов тоже это предсказали. Кровавый канцлер Ниадмор решил сам убедиться.

Герцог замолчал на мгновение: признавать свое бессилие было для него ново.

— Если мы не согласимся добровольно показать дитя, он уничтожит наше герцогство. Он слишком сильный противник. Запомни, Лилиана: скрывающие артефакты, защищающие нас от всевидящего взора кровавого канцлера — сила их сокрытия не безгранична. Это последние. Дальше мы должны полностью вести себя так, будто ничего не произошло. Наше истинное дитя будет жить за барьером города, через него спустя годы уже никто не почувствует метку дракона, если она вообще появится.

Гвендолион взглянул на руны сокрытия, они уже почти иссякли. Он с силой сжал запястье жены.

— Лилиана, заклинаю тебя. В присутствии кровавого канцлера, контролируй свои мысли, иначе он увидит.

Глава 3

Могущественные династии заключали временные браки для объединения способностей и получения редких сил в детях. Для герцога Гвендолиона это уже шестой брак, у его нынешней супруги Лилианы — четвертый. Их дитя должно было родиться одаренным, но ее дар — сочетание сил совершенно невоенное. Часто в таких случаях мироздание давало носителю созидательных сил защитника — предначертанную пару.

Его союз с Лилианой, высшим магом зеленой жизни, был временным, из политических соображений. Гвендолион могущественный маг: он владел магией исцеления, магией воды и света. Его супруга Лилиана сильна в магии созидания, преодоления проклятий и прекрасной магии цветов — само пробуждение жизни.

Соединение водной магии и магии растений вполне многообещающее. Но ребенок еще в утробе матери получил предначертанную судьбу. Стать парой темному дракону и усилить его.

Пророчество могло не исполниться, но риск оставался слишком велик. Кровавый канцлер, всевидящий носферату, не собирался полагаться на случай и позволять своему врагу обрести больше силы. Сбудется или нет пророчество? Он предпочитал убить дитя. В его расчетливом разуме существовало лишь одно надежное решение.

Раса всевидящих носферату — сильные предсказатели. Их всевидение — способ охоты, позволяющий узнать, какие мысли таит жертва, какие эмоции испытывает, какие примет решения и куда побежит спасаясь.

Против них сложно бороться, но Гвендолион не собирался сдаваться и сидеть сложа руки. Он смог достать древние и редкие артефакты, достаточно сильные, чтобы скрыть несколько событий даже от всевидящего взора кровавого канцлера. Маги забытой эпохи использовали их, чтобы скрыть ценное оружие с сильным магическим следом. Все уже получилось: кормилица Алдис уже на пути в Руис, а крестьянский ребенок со способностью к магии растений получит роскошную жизнь во дворце.

Различные представители народов и существ, одаренных магией, жили долго, сохраняя молодость. Они были бессмертны, пока что-то или кто-то не прервет их жизнь принудительным путем.

Чем дольше они жили, тем сильнее становились их способности. Кровавый канцлер Ниадмор был древним и сильным — один из негласных правителей империи. Стезя его способностей делала его неуязвимым воином, непреклонно идущим к победе. Такому, как он, не нужно быть полководцем: он сам мог уничтожить целую армию. Нет силы, которую Гвендолион мог бы противопоставить кровавому канцлеру.

Герцог направился на большую открытую террасу, располагавшуюся между четырьмя башнями. Один из воздушных причалов замка: днем сюда опускались и взлетали драконы, причаливали воздушные корабли.

Ночной ветер раздувал полы плаща. Из всех лун взошла только первая. Звезды сияли в небе. Небесный свод пересекали две сияющие полосы далеких туманностей, наполненных золотистым и сиреневым светом, и три луны поднимались каждую ночь.

Вокруг замка простирались пологие горы, покрытые лесом; с одной стороны они уходили за горизонт и превращались в величественные пики. По другую сторону холмы сменялись долинами и множеством деревень. Замок Алторум возвышался на самом высоком из холмов. Гвендолион смотрел на тихую землю, укутанную безмятежной ночью, и думал о цене, которую он заплатил за мир.

Он скорее ощутил перемены в окружении, словно безмятежность растаяла, чем что-либо услышал. Он обратился во тьму:

— Великий кровавый канцлер Ниадмор, вы прибыли.

Быстрым движением крупная фигура, скрытая темным плащом, оказалась перед ним. Во тьме блеснули красные глаза. Перепончатые крылья дрогнули за его спиной, растворяясь без следа, не оставляя никаких сомнений, кто перед ним.

Кровавый канцлер был высок и обладал телом воина, но вместе с тем он был изящен — отличительная черта всевидящих носферату: для чего преследовать своих жертв, если можно выглядеть так, что они сами прибегут и будут умолять о кровавом укусе? Канцлер распахнул полы черного плаща из плотной ткани и опустил на камни террасы еще одну стройную человеческую фигуру.

— Герцог Гвендолион, я пришел по нашему делу. Времени мало. Моя спутница — темнейшая провидица Эребель. Она посмотрит на ребенка вместе со мной.

Провидица была молода и красива. Длинные черные волосы украшала диадема из черненого металла, золотые нити спускались по роскошному полотну волос. Черные глаза мерцали свечением, она быстро спрятала этот свет, опустив густые ресницы. Изящной рукой, затянутой в кружевную перчатку, она поправила свое длинное шелковое платье, расшитое черным жемчугом, и сдержанно поклонилась герцогу:

— Герцог Гвендолион, приветствую вас. Я сопровождаю кровавого канцлера в этом... неофициальном визите.

Гвендолион напряженно оглядел ее — темная провидица не входила в его планы. Он склонился в ответ, выражая глубокое почтение прибывшим.

— Прошу, следуйте за мной в покои госпожи, она осведомлена и покажет дитя.

— Какое проявление благоразумия, — процедил канцлер, сверкнув красными глазами.

Все трое покинули воздушную пристань и направились в покои герцогини. Следуя по тускло освещенным коридорам замка, кровавый канцлер распахнул плащ и откинул капюшон — на вид ему было чуть больше тридцати лет. Под плащом скрывалась черная кольчуга из переплетения мелких колец, образующих хаотичный узор. Всю шею закрывал черный облегающий воротник, расшитый золотой вышивкой и усеянный россыпью красных драгоценных камней причудливой огранки. Выше воротник переходил в облегающую сплошную гладкую полумаску, закрывающую нижнюю часть лица.

Для носферату было обычным прятать свой клыкастый рот — хороший тон среди ему подобных. Обильная вышивка на воротнике подчеркивала и украшала шею, одно из самых любимых мест для укусов вампиров и прочих существ, питающихся кровью. Только эта вышивка и грани драгоценных камней выполнены так, что укусивший сломает клыки и изрежет себе рот.

Гвендолион отвел взгляд от высокого гостя — вампиры: клубок гадюк, пьющих собственный яд.

Они подошли к покоям госпожи Лилианы. Гвендолион постучал, и все трое вошли в богато убранную комнату, полную зеленых тонов. Она ждала их в пеньюаре из золотистого кружева, качая новорожденную дочь на руках. Ее вид был странным и отрешенным.

Красные глаза канцлера впились в нее цепким взглядом и странно замерцали. Он увидел, что герцогиня опоила себя, чтобы пережить происходящее. Железным тоном канцлер приказал:

— Эребель, начинай.

Провидица подошла к ребенку, опасливо поглядывая на мать. Эребель медленно вытянула свою тонкую руку. Из ладони на спящего младенца устремился слабый свет. Глаза подернулись пеленой, и провидица замерла, шепча заклинание на древнем языке. Слов не разобрать. Время замерло, минуты шли. Канцлер потерял терпение:

— Эребель, хватит медлить, нас здесь не должно быть, — он одернул ее грубым, шипящим тоном. Эребель бросила на него злобный взгляд, полный неприязни, и вынесла вердикт:

— Дитя не станет предначертанной парой темного дракона, я этого не вижу. Магия ребенка не откликнется на зов магии пепла.

Гвендолион шумно выдохнул. Лилиана тут же ушла, унося от них свою малышку.

— Прошу простить мою супругу за подобное поведение, — сказал Гвендолион.

— Не имеет значения, — пренебрежительно отозвался канцлер. — Все улажено.

Канцлер и Эребель покинули комнаты, направляясь обратно. Замок остался далеко позади. Темная фигура канцлера парила над землей. Под его плащом, прижимаясь к кольчуге на его груди, Эребель согрела руки дыханием — кружево слишком тонкое для ночного полета.

— Ниадмор, ты ведь все понял? Но ты ничего не сделал.

Губы канцлера под маской изогнулись в усмешке. Красные глаза оторвались от крон деревьев, уходящих в даль. Голос звучал скучающе-равнодушно:

— Я не воюю с младенцами.

Эребель скептически изогнула бровь, пытаясь плотнее запахнуть полы его плаща, пока он парил вместе с ней над лесом, держа ее на руках.

— Разве твоя природа не велит тебе пить кровь младенцев в колыбелях? — не отступала провидица.

Ниадмор фыркнул и закатил глаза:

— Мне столько сотен лет, что я вообще не нуждаюсь в питании. Не говоря уже о том, чтобы польститься на жалкий хнычущий комок плоти с растительной силой. Жрецы Порядка тоже останутся в неведении. Наверняка ребенок родился с благословленной силой. Жрецы Порядка, скорее всего, забрали бы девочку и смогли бы диктовать свои условия темному дракону.

— И когда они встретятся? Или ты не можешь заглянуть так далеко?

Ниадмор не мог посмотреть так далеко в будущее. Его всевидящий взор помогал в охоте и в бою. Но Эребель могла видеть на десятилетие вперед, если платила цену.

— Спустя годы. Я позабочусь об этом. — Ниадмор устремил взгляд на вторую восходящую луну, его любимое светило красного цвета. — Не во всем нужно всевиденье, Эребель, чаще нужны планы и стратегия.

Глава 4

Спустя годы.

Жрец медленно шел по ступеням из светлого камня, уже истершегося от времени и отполированного бесчисленными шагами. Людские судьбы текли подобно потоку воды, проходя рекой через древний храм. Бесчисленное множество молящих видели эти камни во все эпохи. Храм был слишком стар, как и он сам жрец, для подобных сердечных дел.

Сквозь анфиладу колонн лился солнечный свет, в воздухе парили пылинки, мелкие светящиеся точки поблескивали в лучах солнца. Старец видел гостя, ожидавшего его в тени деревьев — высокого мужчину, одетого в дорогие, сплошь черные одежды. Волны негодования ощущались даже на расстоянии. Казалось, солнечный свет становится более тусклым от его мрачного присутствия.

Старик поторопился, не смея испытывать терпение посетителя. Быстро шагнул на садовую дорожку, устремляясь к гостю.

— Приветствую повелителя пепла и тлена, темного дракона, владыку Альдгрейна, — проскрипел седой жрец, почтительно склоняясь.

Альдгрейн слегка наклонил голову в знак приветствия. В его золотых глазах сверкнули всполохи пламени, гнев не оставлял сомнений.

Он не желал тянуть с вопросом, с которым прибыл. Его голос звучал холодно и враждебно:

— Жрец, я посетил свою предначертанную невесту, дитя, на которое указал ритуал. И знаешь что?! Я ничего не почувствовал, она не ощущается как пара, положенная мне по судьбе. Я сражался на турнирах за свою даму, посвящал победы, но я никогда не чувствовал к ней ничего.

Жрец нахмурился и как можно мягче ответил, стараясь быть еще более смиренным:

— Господин, тот ритуал... — жрец понизил голос. Служители храма не должны были уступать требованиям темного дракона и проводить запрещенное магическое действо. Но они нуждались в его протекции и пошли на риск под покровом глубочайшей тайны. — Тот ритуал прошел полностью успешно, мироздание должно было привести в мир предначертанную для вас. Более того, по результату ритуала пара у вас есть. Вы ведь были прокляты два десятилетия и едва не почили безвременным сном за вмешательство в судьбы. Цена взята и полностью выплачена. Возможно, метка не проявляется из-за юного возраста девушки, ей не так давно минуло восемнадцать.

Альдгрейн резко распахнул полы тяжелого плаща, шитого серебром, являя взору угрожающую броню. Сложный драконий доспех из зачарованного вороненого металла.

— У нее уже не столь юный возраст, и сегодня мне пришло известие, — он протянул жрецу свернутый пергамент со сломанной печатью от герцога Гвендолиона. — Она обрела своего суженого в одном из магов воды. Он — ее судьбоносная пара. У них появился узор, брачные метки предначертанности нельзя оспорить, это нерушимый закон мира, они созданы друг для друга. Достаточно лишь раз взглянуть на них.

Альдгрейн пытался стать другом для этой девушки. Юная особа охотно принимала подарки и внимание, хотя побаивалась темного дракона и его устрашающей силы. Однажды она упросила его участвовать в королевском турнире, и он победил, сделав ее королевой празднества. Альдгрейн ненавидел подобные игрища — подставная битва, скопище шутов в доспехах. Она пришла в ужас от его магии пепла, но принимала корону победительницы с неподдельным воодушевлением.

Несмотря на все его старания, их разделяла пропасть, которая только увеличивалась. Альдгрейн потворствовал ей во всем, надеясь, что его метка проявится, что он обретет в ней

столь желанную ему половину, но этого не произошло. Все пошло прахом, когда появился истинный жених. Все подвиги во имя юной невесты оказались напрасны.

Жрец мрачнел, разворачивая пергамент и пробегая по строчкам выцветшими глазами. Морщины на его лице как будто стали глубже, косматые светлые брови сошлись на переносице. Он задумчиво потер крупный желтый кристалл в перстне на своем сухоньком пальце.

— Владыка Альдгрейн, вы абсолютно уверены? Так быть не должно. Ритуал был успешен. Мы проведем еще один обряд, обратимся к магии синезиса — схождения путей, судьба сведет вас с вашей половиной.

Глаза Альдгрейна вспыхнули золотым пламенем и впились в старика. Листва на ближайшей ветке осыпалась тлеющим пеплом. Вся его фигура давила волной могущества, казалось он едва сдерживается, чтобы не встряхнуть старого жреца.

— Я уже поверил вам однажды и оказал услугу. Мне известно, что ваш культ стоит обособленно. Вы не провидцы, не оракулы и не предсказатели. Вы не служите памяти каких-либо божеств. Вы лишь до определенной степени влияете на судьбоносные нити мира и можете указать, где забрать результат. Но в данном случае ничего не вышло. Может, вы забылись и решили, что вам не столь опасно гневить меня? Так вот, вы ошибаетесь на этот счет!

Жрец склонился еще ниже перед темным драконом, нервно оглядывая тлеющую зелень. Он залепетал, сбивчиво призывая умерить гнев:

— Владыка пепла, лишь глупец попытается бросить вам вызов. Наш храм слишком мал, хотя мы служители древнейшего культа. Мы бы никогда не осмелились на подобное, — взгляд выцветших глаз старика стал острым, его иссохшая фигура обрела стержень. — Вы знаете, что я желаю получить высокий пост фракции Порядка, от результата зависят и мои амбиции, владыка. Я сделаю все, что смогу, и смею выразить уверенные надежды, что ситуация разрешится самым благоприятным исходом.

Альдгрейн умерил гнев, но совершенно не верил жрецу и его заверениям. Тем не менее старик продолжал:

— Владыка, позвольте затронуть еще один вопрос. В городах на побережье начинают появляться культы смерти, которые провозглашают вас небесной карой, чудовищем, которое убивает все живое. Лживые культы просто привлекают зажиточных горожан и обогащаются за счет их пожертвований, но лучше потушить эти искры. К чему позволять невеждам трепать ваше имя? Они неграмотны и не понимают истинного проявления ваших сил. Их общины есть в Вифосе и Руисе. Возможно, уже расползлись еще дальше, подобно сорной траве на благодатной почве.

Жрец виновато смолк и бросил осторожный взгляд на темного дракона: он подобрал не слишком удачное сравнение. Магия пепла и тлена невероятно могущественна, но земли владыки были пустынны. В народе их прозвали «горелой пустошью». Таков эффект от его магии: природа умирала там, где он жил, у него не было подданных, среди бесплодных выжженных земель никто не селился, и только потревоженные мертвецы иногда бродили по ним.

Искры взвились над плечами Альдгрейна. Он окинул старика подозрительным взглядом, словно мысль встряхнуть жреца показалась ему действительно заманчивой.

— Я не стану оставлять границу с землями нежити и гоняться за фанатиками по городам побережья. В Вифосе и Руисе основные храмы пресекут их деятельность, если они преступят черту.

Этими словами темный дракон умирающих звезд показал, что разговор окончен.

Старый жрец почтительно склонился вслед удаляющемуся гостю. Старик не разделял его беспечности относительно городов. Особенно Вифос располагал к подобной ереси: многое там ускользало от жрецов основных храмов. Синезис — схождение судеб, скоро сплетение обстоятельств приведет ему суженую. Старик потер перстень, ощущая тепло камня. Остается надеятся, что она выживет.

Альдгрейн покидал храм с тяжелым сердцем. Он один. Последний. Одинокое бремя не отпускало его. Мыслями он устремился в город, о котором говорил жрец. Много загадок скрывал Вифос, где под одним магическим куполом скрывался еще один. Культы, которые провозглашали его небесной карой? Альдгрейн тяжело вздохнул.

***

Вифос — самый удивительный из прибрежных городов. В нем встречались два мира: наземный и подводный. Для торговых путей соседство разных рас и объединение магического мастерства ради взаимной выгоды — совсем не редкость.

Город раскинулся на полуострове, берега которого состояли из светлой пористой пемзы и глыб окаменевших кораллов. Древняя катастрофа забытых времен создала причудливый ландшафт, возвысив дно рифа. Высокие скалы обрывались вниз, в глубокие и кристально прозрачные воды. Белые скалы, простиравшиеся вдоль циановой бездны, поросли зарослями цветущих олеандров.

В этом и крылась уникальность: на дне бухты, под подводным куполом, находился еще один город. В прозрачной воде проступали его очертания. Многие водные народы жили там. На дне, вокруг купола, росли подводные сады целебных водорослей и плантации магического жемчуга. Водные жители выращивали диковинки и отправляли по всему свету. Порт города процветал, всегда полный кораблей и редких товаров.

Ночью подводный купол светился в глубине бухты, создавая завораживающую картину невероятных волшебных огней. Они расцвечивали волны, мерно скользившие над подводными жилищами. Прибой бился о борта кораблей, стоящих в гавани. Матросы зажигали огни на мачтах звездными теплыми ночами, являя волшебный хоровод золотых искрящихся бликов, танцующих в глубине, на поверхности и встречающихся со звездами.

По улицам из светлого известняка росли цветы. Живые изгороди и ажурные тени крон деревьев дарили островки прохлады под палящими лучами жаркого солнца. Маленькие кусили вяло лежали в тени, не желая шевелиться.

Небольшие животные обладали пушистым, длинным телом на коротких лапках, милой мордой, схожей с кошачьей и парой крыльев. Кусили были пронырливы, любопытны и прожорливы: они ничего так не любили, как плотно покушать. Переевший кусиль не мог свернуться в мохнатый бублик и улететь.

Маленькие, упитанные сверх меры кусили сновали по улицам города. Но польза от них тоже была: погладив кусиля, можно собрать ману для простого заклинания, например руны света. Она освещала подобно свече. Или активировать руну огня — она создавала жар углей. Магии хватало, чтобы вскипятить немного воды. Маленькие зверьки стали символом города: упитанный кусиль был изображен на гербе Вифоса. Монеты, ходившие на полуострове, чеканились с изображением зверьков.

Богатый и процветающий Вифос, обладал и другой стороной: в него стекалось слишком много простого люда, многие жили в маленьких хибарках, наскоро сколоченных из грубых досок. Заскорузлые скамьи подпирали стены и соломенные тюфяки лежали прямо на полу.

Вечерами жители бедных улиц сидели возле своих хибарок полукругом для ужина и обмена новостями. Они пересказывали друг другу, что говорили жрецы или что слышно в господских домах.

Мир на континенте оставался шатким. Но Вифос стоял и не опасался войн веками. Весь город защищал огромный купольный барьер, подпитываемый магией. Для торговцев и путешественников он не представлял препятствия, но был неодолимой стеной для военных захватчиков.

Купол оставался нерушимым уже полтысячелетия, защищая город и его жителей. Такая защита была у многих прибрежных городов, соседний город Руис также защищал барьер.

Защита притягивала переселенцев, особенно тех, кого ничего не держало на старом месте, тех, кто все потерял. Так и семья, в которой жила Айне, когда-то потеряла все и шла в Вифос, ища более безопасной жизни. Много лет назад они подобрали ее совсем крошечной малышкой, у тяжело раненой женщины.

Перед рассветом в душной летней ночи Айне пыталась поспать еще один час. Подравшиеся кусили вопили где-то поблизости с курятником. Когда они перебирались по доскам деревянных хибарок, то делали это столь неизящно, что девушке казалось, будто звуки производит по меньшей мере гарцующий по крышам конь. Наконец-то шум стих, переместившись на соседние дома, и ей снова удалось уснуть.

Айне подскочила от ощущения липкой паутины на теле. Ее передернуло от омерзения. Снова этот сон, и такой реальный на сей раз — словно душа ее живет на спине небесного кита, и липкая сеть сдергивает ее вниз. За всю свою жизнь Айне бесчисленное количество просыпалась от чувства падения, вздрагивая на постели.

В предрассветном неясном свете она оглядела свою клетушку. Пахло сеном. Сквозь дощатую стену, изъеденную жуками-древоточцами, проглядывало светлеющее небо. От порывов ветра из щелей на тюфяк осыпалась деревянная труха.

Она нетерпеливо смахнула древесную пыль и встала, просовывая ноги в мягкие ботинки из тонкой кожи, которые уже давно отходили свои лучшие дни. Зевая, Айне натянула непритязательное серое платье из дешевой грубой ткани.

Платья бедняков всегда серых и коричневых цветов, всегда из практичной ткани, длинные рукава, легкий корсет и юбка, чуть открывающая лодыжки. Более состоятельные дамы носили юбки в пол, великолепные корсажи, украшенные вышивкой; вуали и эскофьоны всех возможных цветов, пряча нежную кожу от слишком ласкового солнца побережья. Но Айне и мечтать не могла о подобном.

Бедняки не могли позволить себе подметать юбкой единственного платья брусчатку улиц. Так же они не могли позволить себе все остальное: ткани ярких цветов, которые утратят свой внешний вид после стирки в щелоке. Не могли позволить себе прислугу, которая поможет им одеться, потому все на платьях бедняков застегивалось и зашнуровывалось спереди, а вместо вуалей — соломенные шляпы.

Айне умылась из небольшой деревянной лохани, рядом стоял грубо сколоченный стул. Он был таким старым, что на одной его ножке вырос домовый гриб от слишком долгого соседства с умывальником. Взяв с полки сколотую кружку, быстро плеснула себе воды из треснувшего кувшина.

Дырявым или треснутым у Айне было все. Она никогда не могла позволить себе какой-либо новой домашней утвари. Новое могло привлечь вороватый взгляд очередного проходимца. Рядом с портовыми районами Вифоса самого разного сброда предостаточно.

Она с усилием отворила скрипучую дверь, которую давно покосило, и, поправляя на ходу всклокоченную копну светлых волос, бодро зашагала через обшарпанный двор к самому большому строению.

Войдя в просторное помещение, Айне сморщила нос от едкого запаха. Старая Уна уже давно на ногах и занималась делом, им приходилось браться за любую посильную работу. Их семья плела веревки, но заказов не было уже долго. Сейчас возле старой Уны стояла большая корзина, доверху наполненная шипастыми раковинами мурексов.

Она проворно извлекала из моллюсков чернильные мешочки и бросала в котелок, томившийся на огне. Булькающая жижа распространяла зловоние. Один из торговцев выкупал заготовленные таким способом части, они требовались для изготовления пурпурного красителя.

Первый этап работы был отвратительным, и за него брались только бедняки из прибрежных кварталов, стремясь заработать несколько монет.

Уна расплылась в радушной улыбке.

— Доброе утро, Айне. Берта ночью со мной проверяла ловушки для моллюсков. Сейчас она ушла за водой, надеется успеть, пока очередь к ближайшему колодцу не выросла длиной до соседней улицы.

Старая Уна обладала большим добрым сердцем. Несмотря на свое скромное положение, когда-то она приютила Айне. У нее была своя дочь Берта и еще несколько таких же сирот. Уна торопилась поделиться утренними сплетнями:

— В главный замок прибыли какие-то важные господа из имперской столицы. Уж не знаю, что им тут нужно, но поглядывайте с Бертой по сторонам. На улицах в порту больно много народу. Возьми яблоко и обязательно съешь его. Здесь сегодня не позавтракать. — Уна красноречиво наморщила нос над дурно пахнущим котелком.

Глава 5

Улица, ведущая к гавани, шла с уклоном к побережью. Если бы Айне уронила яблоко, то оно могло бы докатиться до самого прибоя. В городе действительно было более оживленно, чем обычно. Ватага мальчишек с громкими криками размахивала палками, изображая рыцарей, торопящийся люд опасливо обходил их стороной.

С громким криком один из мальчишек упал в сорняк, росший вдоль мощеной улицы. Разъевшийся кусиль в страхе соскочил с деревянной крыши и скрылся между досками покосившегося забора. Бравый хулиган ловко вскочил и ткнул соперника палкой в бок. Радостно вопя от победы.

Рыжая копна волос мелькала среди детей. Сосед Айне — Рори, проворный мальчишка десяти лет. Он быстро подбежал к Айне, завидев ее еще издали и радостно похвалился.

— Я победил на турнире! Я самый сильный рыцарь!

— Здорово. Держи. — Она протянула ему яблоко.

— Ого! — Его янтарные глаза заискрились при виде угощения, и он с хрустом откусил сочную мякоть.

— Может, вы, благородные рыцари устроите свой турнир где-то в стороне?

— Неа. Мы потом будем целый день носить воду. Моя сестра с девчонками стоят в очереди у колодца, в жару она продаст свое место за пару медяков, а я отнесу воду. Мне надо видеть, не появился ли покупатель. Ну всем надо.

— Так почему же рыцарям не постоять в очереди вместо девочек? — хитро спросила Айне.

— Нет, у них чаще выкупают места.

Айне пригладила рыжие волосы Рори и вынула из них репейник. Все-то у них схвачено. Он улыбнулся щербатым ртом.

— Я еще много раз упаду в те кусты. — Он отодрал очередную колючку от штанины.

Айне безнадежно всплеснула руками и пошла дальше. Рори был магом огня, и магия отражалась в его внешности. Такой ребенок был шансом всей семьи выбраться из нужды.

На одной из улиц поблизости громко разглагольствовал жрец очередного культа, собрав толпу зевак так, что пришлось протискиваться между людьми. Он призывал:

— Внемлите! Владыка — темный дракон, длань, что сеет смерть, обращая все в тлен. Он пришел из тьмы, что служит ему, из праха, что был до мира и будет после. Он — сама смерть, молите его о легком конце...

Айне договорилась встретиться здесь со своей сестрой Бертой. Она прошла во двор общины и уже довольно долго слушала о страхе, пепле, тьме и страшном возмездии, когда рядом возникла Берта.

— Ты опоздала. Я не хотела стоять здесь одна, — шикнула Айне на сестру.

Берта прошептала на ухо:

— Очередь за водой собралась длиной в пару кварталов еще до рассвета. Как всегда, в жаркие дни, но сегодня еще хуже.

Легкий бриз с моря освежал утро, шевеля складки длинных юбок собравшихся дам из богатых районов. От скуки Айне ковыряла носком изношенных ботинок пожелтевший мох, обильно росший между брусчаткой. Рядом в толпе, подавляя глубокий вздох, стояла Берта, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Те женщины положили на поднос два серебряных, — тихо прошептала Берта.

Жрец культа снова завопил о страхе, сотрясая костлявой рукой в воздухе и добавляя громкости голосу:

— Ты! Ты, в шелках. И ты, в золотой вуали. Вы все — ничто пред его силой. На колени!

Девушки переглянулись и с удивлением увидели, как дамы в вуалях склоняются, не жалея дорогих платьев. Айне последовала примеру, ощущая, как брусчатка больно впивается в худые ноги. Она склонила голову, пряча недоуменный взгляд.

Жрец сдернул вуаль с эскофьона одной из женщин. Бледная кожа, волосы, сотканные из лунного света, и зеленые глаза. Айне затаила дыхание. Она из высшей знати подводного купола. Корона из жемчуга, украшенная рожками кораллов. Быстро опустив глаза, Айне изобразила полное смирение.

Оратор культа прошел совсем близко, его длинная мантия замерла напротив Айне — не смела поднять глаз. Он с силой надавил ледяными пальцами на ее плечи, вынуждая согнуться ниже. Перед лицом Айне возник поднос для пожертвований, отчеканенный кусиль блестел на золотой монете — да это состояние, — подумала Айне.

— Склонитесь пред силой. Прах — это избавление от всего бремени мира. Тлен и пепел примут вас, от взора золотых глаз не скрыться. Просите его в мыслях своих.

Холодок пробежал по спине Айне, она опустила ладони на брусчатку, пытаясь не упасть под давлением. Нога оратора едва не наступила ей на пальцы.

Наконец он отпустил ее и прошел дальше.

Айне выразительно закатила глаза. Они слушали напутствие, которое казалось им бесконечным. Спустя минуты, казавшиеся им бесконечными, они поднялись на ноги, отряхивая юбки.

Айне и Берта решились прийти сюда не из любопытства. После речи всем пришедшим давали по мягкой белой булочке. Для них воздушная выпечка из настоящей духовки была желанной добычей. Но стоять на коленях, пожалуй, слишком.

Бедняки не могли позволить себе ситный хлеб или ситник, как его чаще называли в бедных районах. Воздушный хлеб из лучшей белоснежной муки, просеянной на самом мелком сите.

В своем бедном квартале они лишь иногда пекли лепешки из муки крупного помола, которую сеяли через грубое решето, — такая выпечка называлась решетной. Обычная еда бедняков — крупа, сваренная в общем котле с нехитрыми овощами, и решетная лепешка, имевшая серый цвет.

Жрец закончил свою речь и девушки проворно поспешили в начало выстраивающейся очереди. Они смиренно поклонились, сложили руки в почтительном жесте под презренным взглядом тощего жреца.

Получив свое угощение, они поскорее отправились прочь, стараясь не бежать, подпрыгивая от радости, что у них получилось. Серые платья и соломенные шляпы выдавали в них жителей бедных районов Вифоса. А бедняки не поддерживали никакие культы, кроме основных храмов, в чьих школах учились все сироты.

Айне — сирота, она могла бы сойти за дочь старой Уны, если бы не совершенно отличавшаяся внешность. У нее была светлая кожа, золотистые волосы и яркие глаза, словно цвет моря. Она совсем не похожа на Берту, которая была брюнеткой с красивыми вьющимися волосами и золотистой кожей, которую легко украшал загар. Берта воскликнула:

— Поверить не могу, что нам удалось! — она поднесла булочку и с наслаждением втянула запах свежеиспечённого хлеба. — Пойдем в порт, там пришли корабли, может, мы что-нибудь еще ухватим к этим божественным булочкам.

— Да, кажется, еще никогда не видела золотого кусиля так близко к своему носу.

— Наверно та аристократка положила золотую монету. И с чего ей думать о смерти?

Они поспешили к гавани, туда, где из-за крыш домов виднелись мачты кораблей и кружили чайки.

Приближаясь к пристани, крики птиц становились невыносимыми. Воздух наполнялся солью и запахом переспелых фруктов. Люди громко торговались. Наглые птицы вопили и дра-

лись у куч испорченного в трюмах товара. Подгнивший товар матросы отдавали за бесценок, нахваливая его во все горло. Все разбирали жители бедных районов.

Корабли грузили бочки из подводного купола с целебными плодами подводных растений. Сегодня на палубы поднимали большую партию. Айне увидела знакомую фигуру в толпе:

— Пойдем, я вижу Хитрого Тома. Он нам подскажет, где бы нам найти приятное дополнение к трапезе.

Девушки побежали к моряку, боясь упустить его из виду в гуще людей. Они налетели на него, врезавшись в широкую спину бывалого матроса. Том едва успел обернуться, рука уже тянулась отходить бока неосторожного прохожего, но выражение лица сменилось радушной, приветливой улыбкой:

— Айне и Берта, красавицы! Что вы здесь делаете? Ищете еду подешевле для котелка на ужин? — Том вздохнул и поправил широкополую шляпу загорелой рукой. — Что же вы раньше то не явились? Был неплохой товар — даром, там у них бочки треснули, все, что рядом стояло в трюме, уже не отдашь в продажу. Фрукты стали портиться, но можно было выбрать вполне неплохие.

— Мы не за этим, — бодро ответила Айне. — Мы хотим найти что-то подходящее к печеным булочкам.

— Можем даже предложить скромную плату в один медяк, — добавила Берта.

— Ишь ты, булочки у них печеные! Я тогда не прочь быть в деле, — Том сверкнул глазами, пряча улыбку. Девушки настороженно нахмурились. — Не боись, останетесь довольны, — и подмигнул из-под полей шляпы. — Пойдемте нам в другую часть вооон той пристани. — Том подтолкнул их, видя, что девушки колеблются. — Идите за мной, а то мы из толчеи не выберемся.

Широкоплечая фигура Тома уверенно пробиралась сквозь толпящихся людей. Стало свободней, вопли чаек и матросов остались в стороне. Троица приближалась к пирсу с парусником. Айне сощурилась от яркого солнца, похоже, это бриг — богатый и хорошо вооруженный корабль. Такие никогда не торгуют на пристани.

Ряды бочек стояли в тени бортов, сверху лежала грузовая цепь. Не похоже, чтобы им тут могло что-то перепасть, бочонки слишком добротные, а содержимое наверняка дорогое.

Неподалеку в сетях лежали целые горы чего-то круглого, на соседних пирсах в далеке, возвышались такие же нагромождения. Том проследил за их вопросительным взглядом:

— Это орех крупный, внутри мякоть съедобна и сок. Прибыла целая флотилия, будут разгружать еще несколько дней, занимает все место в этой части порта.

Сощурив глаза, Айне скользнула взглядом по бухте. Вдали, у маяков, на рейде стояли тяжело груженные корабли.

— Эй, на корабле! — закричал Том во все горло. — Позовите Тарлейна!

Девушки спрятались в тени от солнца, набиравшего силу и обещавшего палящий полдень. Они опасались, не попросят ли их уйти отсюда подобру-поздорову. Но вопреки ожиданиям, по трапу спустился матрос и зычным голосом приветствовал Тома.

— Хитрый Том, ты все ловишь удачу за хвост! — и расхохотался, щедро хлопнув Тома по плечу.

Тарлейн был молод и хорошо сложен, его тонкие черты лица и голубые глаза выдавали в нем кровь водного народа. Том указал на девушек:

— Я хочу угостить двух дам. Ты мне должен, и, как я слышал, дела твои пока не идут в гору по нашему вопросу.

Тарлейн хмыкнул, окидывая взглядом двух девушек:

— Хорошо, пойдемте.

Они подошли к небольшим бочонкам дорогого темного дерева. Тарлейн достал нож из-за пояса, присматриваясь. Наконец его взор остановился, и он вынес нужный бочонок.

Том стоял, выпятив грудь, с гордым видом. Айне и Берта заинтригованно подошли ближе. Было совершенно непонятно, что там. Тарлейн поддел одну из дощечек на крышке выбранной бочки, снимая ее. Девушки подались вперед, заглядывая в проем, и одновременно не сдержали шумного вздоха.

— Это же те дорогие прозрачные розовые фрукты в сиропе! Их сахарят с лепестками ароматных растений, — Айне не могла отвести взгляд от блестящей, сочной мякоти.

— Все верно, — тоном победителя произнес Том.

Тарлейн добавил:

— В медовом сиропе с теми самыми лепестками. Давайте, что там у вас?

Айне протянула свою булочку. Тарлейн разрезал ее напополам, сделал ножом углубление. Потом ловко подцепил розовый фрукт, сочащийся густым сиропом, и поместил в булочку, прикрыв второй половинкой мякиша, словно крышкой.

Девушки с горящими глазами следили за повторяющимися действиями со следующей булочкой.

— Что же, приятного аппетита, юные леди. Рекомендую съесть поскорее, пока сироп не вытек, — посоветовал Тарлейн, возвращая деревяшку на место в крышку бочонка, как будто его никогда не открывали.

— Теперь моя часть оплаты, — весело проговорил Хитрый Том. Он снял свою шляпу, немного наклонился вперед и заговорщически подмигнул. — Я желаю, чтобы вы поцеловали меня в щеку, одна в левую, другая в правую, — и замер в ожидании.

Девушки переглянулись, их глаза озорно блеснули, быстро наклонились и чмокнули Тома в его загрубевшие щеки. Айне и Берта побежали по пирсу прочь, весело хохоча.

Глава 6

Айне и Берта устроились среди оливковых деревьев, тени от раскидистых ветвей лежали на воде. Волны перекатывались совсем близко, блики от воды слепили глаза. Вокруг непрерываемым звоном стрекотали цикады, над брусчаткой поднималось дрожащее марево горячего воздуха.

Поднеся булочку к губам, Айне вдохнула пленительный аромат. Освежающий, ягодно-фруктовый запах с легким оттенком карамели. Берта уже налегала на булочку и довольно вздыхала, прикрывая глаза от удовольствия.

— Я такое видела только в дорогих кварталах, правда, едят ягоды не с булочками, а с нежным творожным сыром, — заметила Айне, откусывая хрустящую корочку и ощущая, как сироп тает на языке.

— Ну и что?! С булочками тоже отлично, тем более с такими, воздушно-белоснежными. — Берта облизнула сироп с губ. — А Тарлейн довольно симпатичный, надо вечером расспросить про него Хитрого Тома.

Айне закатила глаза. Ее сестра Берта всегда интересовалась парнями и слыла кокеткой, хотя никому не отдавала предпочтение, соблюдая границы приличий. Берта фыркнула:

— Айне, тебе тоже стоило бы подумать о спутнике жизни, тот ученик у твоего мастера с интересом посматривает на тебя.

Айне отрицательно покачала головой, вспоминая неловкого парня в веснушках, краснеющего, как помидор. Поначалу Хьюлин ей нравился, но он уже давно набирался смелости проводить ее до дома. Похоже, пока он это делал, его уже прибрала к рукам другая девушка, которая торговала с лотка неподалеку. Она просто сама активно увивалась вокруг него. А он краснел и не смел сказать ей «нет».

— О нет, Хьюлин на всех смотрит и ни на что не решается, по-моему, он слишком робкий. Он даже руку мою взять смущается и спрашивал разрешения, можно ли подарить мне букет полевых цветов. Его ухаживания очень неуклюжие, хотя я ничем его не обидела, и мы знакомы уже довольно давно. Я уже и не помню, сколько лет он ходит вокруг.

— Ох, Айне, смотри, так всех женихов разберут. Хотя связывать свою жизнь с тем, кого спокойно увела первая встречная, пока он мялся да смущался, тоже не дело. А когда ты ходила в дорогой район города?

Айне вытянула ноги и указала на ботинки. — Я же ношу зачарованную обувь. Вот и ходила обновить заклинание к магу.

Если обувь не зачаровать, то вокруг ног Айне росла трава и мелкие цветы. Берта предалась воспоминаниям далекого детства.

— Помнишь, как мы радовались, когда вокруг тебя впервые выросла полянка клевера? Мы были детьми, и нас это привело в такой восторг. Жаль, что это почти не применимо здесь. Чем покидать город и работать в поле, лучше уж оставаться под защитой барьера. Тем более ты работаешь у мастера, который зачаровывает предметы для морской навигации. Ты бы могла и не жить в соседстве с Хитрым Томом в той клетушке.

Берта блаженно вздохнула и села ближе к дереву, оперев спину на шершавый ствол. Шум прибоя убаюкивал. Айне всмотрелась в блики волн на море и, разувшись, ступила в морскую воду, ощущая прохладу.

— Я могу Хитрого Тома переименовать в Храпящего Тома, — весело отозвалась Айне, отправляя в рот последний кусочек десерта. — Это точно более подходящее прозвище, — заметила она, ополаскивая липкие пальцы в соленой воде. — Сегодня я планирую вытащить тюфяк на крышу и спать там. Это немного спасет меня от храпа. Заклинания для обуви доро-

гие, я, конечно, их поддерживаю маной, но накладывать новые периодически приходится. А то у меня доски хижины прорастут, если я буду ходить босиком.

Берта задремала и ничего не ответила. Айне окатила сестру брызгами, и та подскочила в притворном гневе.

— Ай ай, перестань! — Берта расхохоталась.

Из-за шума послышалась возня в ближайших зарослях. Сонный кусиль плюхнулся у ног Берты, с интересом принюхиваясь. Она пошарила в карманах юбки и отдала зверьку сухарь. Взяв добычу, упитанный пушистик скрылся в зарослях неуклюже переваливаясь.

Айне проводила зверька взглядом:

— Мы сегодня богаты, отдали кусилю целый сухарь, а наш завтрак был королевским.

— Вот обжоры. Помнишь, как нас распекала мама. Она раздобыла новый тюфяк из пуха цветов, а мы прыгали на нем босыми ногами и веселились. Ты сняла обувь, а весь пух после твоих прыжков превратился обратно в живые цветы.

Задрав юбки, Айне вошла в воду по щиколотки, чувствуя, как шершавая галька колет ступни.

— Да, как такое забыть! Ох, она нас распекала и бранила, грозилась отправить нас в поля собирать пуховые цветы на еще один тюфяк. Тогда мы почти высушили цветы снова, но задул сильный бриз, и наш пух просто улетел. Вот уж действительно пустили тюфяк по ветру.

Заливистый смех девушек разнесся вокруг. Айне вышла на горячие камни, расправляя длинные юбки.

— Я пойду в мастерскую, сегодня должны быть новые заказы. Несколько зачарованных предметов нужно отнести покупателям.

Берта ответила:

— Пойдем, я сегодня буду помогать на кухне в прибрежном трактире до поздней ночи. Денег там не дадут, но мы сможем взять припасов впрок. Хорошо бы дали черных сухарей.

***

Поздним вечером, после скудного ужина, воспользовавшись старыми ящиками, как ступенями, Айне вытащила тюфяк на крышу своей хибарки. Для сна под открытым небом она использовала старое платье из коричневой ткани, штопанное столько раз, что носить его уже неприлично.

Шаткая хибарка возвышалась на склоне: перед Айне открывался вид на бухту, подсвеченную светом из подводного города, и огнями кораблей. Мириады звезд устилали ночное небо.

Позже над горизонтом поочередно взойдут три луны и звезды искупаются в их свете, а на морской глади появятся лунные дорожки. В легендах предыдущих эпох упоминалось про четвертую луну. Но уже никто из ныне живущих не мог это подтвердить или опровергнуть.

Ветер едва шевелил листву на деревьях, шум соседних улиц почти утих. Старая Уна ушла ставить ловушки для моллюсков, Берта еще долго будет работать в трактире, Хитрый Том сегодня до утра будет играть в кости на пристани.

Айне еще сидела на крыше и смотрела на переливающиеся волны вдалеке, на корабли и на высокие башни маяков у входа в бухту. Свет маяков мерцал яркими точками в убаюкивающем ритме.

Вмиг что-то темное заслонило свет маяка, потом еще и еще. Айне всмотрелась в ночь, пытаясь разглядеть.

В тусклом свете от моря, заслоняя блики на воде, по воздуху неслись черные тени, с кораблей раздался тревожный звон колоколов. Над бухтой послышался легкий свист, словно кто-то тонким прутом рассекал воздух в длинном замахе. Звук то приближался, то удалялся, доносился с неба.

Айне вскочила, охваченная нарастающим ожиданием чего-то страшного. Продолжая всматриваться, она увидела, как полыхнул огнем один из маяков. Обломки башни рухнули в море. В отблесках света она заметила проступившую фигуру дракона с огромными крыльями.

Чудовища атаковали корабли. Суда, стоявшие на рейде, мгновенно вспыхивали ярким пламенем. Пылающие мачты высвечивали огромные силуэты с длинными шеями и перепончатыми крыльями, от их взмахов поднимались порывы ветра.

Языки пламени, взметнулись так высоко, что в огненном мареве померкли звезды в небе. В считанные секунды на воде бухты пылали корабли и обломки. Воздух наполнился тревожными криками. Порт горел, все поглощало ревущее пламя.

С ближайших улиц раздавались громкие крики. Айне стояла на крыше и не могла отвести глаз от страшного зрелища. Ветер принес запах гари. С неба снова раздался свист, приближаясь. Огромная черная тень пронеслась над девушкой, Айне увидела огромные когти и пасть полную искр. Ее обдало потоком горячего ветра. Выбившиеся пряди волос швырнуло в лицо, разбивая оцепенение. Искры проносились перед ее глазами. Дракон полетел дальше.

Обернувшись на шум выше по склону, она увидела, как он раскрыл пасть и выпустил столб пламени. Чудовище заливало огнем целую улицу. Дома мгновенно вспыхивали. Скоро пожар доберется сюда. Быстрее. Надо бежать!

Айне в панике спустилась по ящикам, устремляясь прочь. В голове стучала одна мысль — невозможно, Вифос защищен!

Отовсюду уже слышались крики:

— Драконы, пожар!

Она оглянулась в другую сторону и увидела, что над городом зарево еще ярче. Вифос полыхал в нескольких местах. Она выбежала на улицу, уже много людей торопясь покидали дома.

Айне торопилась в сторону кварталов, которые приведут ее к ближайшему тоннелю в подводный город. Она бежала так быстро, насколько позволяли переполненные улицы. Выбравшись из своего бедного района, деревянные дома сменились каменными постройками — она оказалась в толпе.

Дым пропитал воздух. Во рту горчило, пепел скрипел на зубах. Снова оглянувшись, она увидела яркое зарево на месте, где был ее дом. Скопище деревянных хибарок полыхало, подсвечивая небо.

Двигаться становилось все труднее, крики и гомон усиливались, переходя в непрекращающийся гвалт. Айне пихали. Получив очередной сильный тычок в спину, она едва не упала. С ужасом осознавая, что, если она упадет, подняться уже не сможет.

До прохода в подводный купол оставалось еще далеко, а толпа становилась все больше. Люди впереди начинали двигаться медленней, но позади все прибывали бегущие. Айне подумала, что ее может просто раздавить.

В этот момент характерный свист пронесся над ними снова.

Толпа загудела, люди подняли головы в страхе. Айне уже знала, что следует за этим звуком. Все похолодело внутри: из толпы не сбежать. Если на них прольется драконье пламя, она в ловушке.

Но раздались одобрительные выкрики. Это дракон из замка наместника Вифоса. Они будут защищать город. Далеко, впереди раздался свист и сильный грохот, земля задрожала. Айне оцепенела от ужаса, но крики толпы были приветственными.

Люди стали продвигаться вперед значительно быстрее. Добравшись до места, откуда исходил грохот, Айне увидела, что дракон разрушил часть стены вокруг сада и создал широкий проход для толпы. Чудовищная сила!

Через скопление напуганных горожан уверенно проталкивались фигуры в плащах — маги высоких рангов. Город держал оборону.

Кто-то из них взобрался на крыши домов с огромной проворностью, немыслимым образом, отталкиваясь от отвесных стен, продвигались в сторону полыхающей бухты. Другие фигуры в плащах просто проносились над людьми в полете. За несколько секунд отряды магов скрылись из виду.

Вдалеке постоянно раздавались взрывы, волны дрожи прокатывались сквозь Айне. Ей казалось, что секунды тянутся слишком долго, что она уже никогда не доберется до безопасного подводного города. Уна и Берта должно быть уже добрались, им ближе.

Людей то и дело накрывали порывы горячего ветра, казалось, что идешь вдоль бесконечного ряда раскаленных печей.

Айне старалась двигаться чуть ближе к стенам зданий, подальше от открытой нападению середины улицы. Когда ее рука коснулась каменной кладки, она ощутила, что стена горячая.

Грубая рука схватила ее за ворот и дернула в темный проулок тупика.

Глава 7

Вскрикнув от неожиданности, Айне вцепилась в схватившего ее, впиваясь ногтями. Крупный мужчина в тяжелом черном плаще, даже не заметил ее сопротивления. Глаза скрыты низким капюшоном, нижняя часть лица также скрыта маской. Его одежда походила на одежду магов. Он встал перед Айне, закрывая выход на широкую улицу, где люди продолжали двигаться в направлении места спасения.

— Вы еле идете, мы перенесем вас в безопасное место.

Айне едва успела вздохнуть и подумать. Как перенесут? Магией? Почему именно ее? Там позади, на улице, есть более зажиточные горожане.

Айне хотела закричать, но ее толкнули сильным ударом в спину. Она отлетела вперед и упала, потеряв равновесие. Трое мужчин шагнули к ней и вмиг земля под ними засветилась рунами и завитками. Узор создавал светящийся круг серебряного света.

Она почувствовала, что проваливается и падает. Грубая мужская рука в перчатке схватила ее за предплечье. Айне вскрикнула.

В следующее мгновение перед глазами показались плиты пола из блестящего мрамора. Айне неуклюже упала в другой светящийся круг. Мужчины, державшие ее, отступили в сторону, слившись с тенями у стен.

Заклинание, в котором оказалась девушка, было другим: начертанные символы извивались, словно змеи, охваченные фиолетовым свечением.

Айне попыталась подняться, но ноги ее совсем не слушались, будто плита давила на плечи — не пошевелиться. Она беспомощна. Сидя на полу, она с трудом подняла голову и осмотрелась. Простое движение далось тяжело. Небольшой круглый зал, каменная резьба, открытая колоннада, через которую видно, как внизу полыхает город. Айне распахнула глаза шире от удивления. Этот зал в одной из башен главного дворца Вифоса.

Она ничего не понимала, для чего оказалась здесь? Из темноты выступили две фигуры. Мужчина и женщина. Айне не доводилось видеть прежде аристократов, подобных ему. Холодок пробежал по ее коже.

Мужчина стоял, возвышаясь над ней. Поверх его дорогих одежд струилась мелкая витиеватая кольчуга. На перевязи, подчеркивая широкие плечи и внушительный рост, пристегнут тяжелый плащ кровавого цвета. Высокий облегающий воротник скрывал шею и всю нижнюю часть лица. Айне на секунду забыла обо всем от блеска рубинов на его воротнике, не в силах отвести взгляд. Светлые волосы падали на плечи. Он словно давал ей рассмотреть себя получше.

Его красные глаза впились в нее и мерцали всполохами света не меньше драгоценностей.

Он наклонился вперед, рассматривая Айне и с грацией опустил нижнюю часть маски. Она посмотрела в его лицо. Красив, как-то даже слишком идеален.

Растягивая губы в улыбке, похожей на оскал, он сделал глубокий вдох и клацнул зубами. Айне разглядела пару клыков, которые удлинились, когда он вдыхал ее запах. Ее пальцы мелко задрожали, все внутри кричало «Беги». Аристократы, магия и все вокруг — это западня.

Красноглазый мужчина высокопарно проговорил:

— Я и моя провидица приложили некоторые усилия, чтобы найти тебя. Барьер города скрывает слишком хорошо. Пришлось прийти сюда, чтобы поискать под куполом.

Похоже, ее схватили по ошибке. Аристократия могла быть скорой на расправу. Сейчас они разделаются с ней, а потом будут разбираться. Таких, как она, тысячи, для них ее жизнь ничего не стоит. Иссохшим горлом Айне осмелилась попросить:

— Я не знаю, что вам нужно, но, уверяю вас, вы ошиблись. Прошу, отпустите меня. — Она умоляла, стоя на коленях, не в силах подняться под действием заклинания. — Прошу вас, пожалуйста...

При слове «ошиблись» та, кого он назвал провидицей, бросила на Айне острый взгляд, как будто она посмела оскорбить их. Красноглазый недовольно цокнул языком.

— Я никогда не ошибаюсь, Айнерисссса. Ты обладаешь благословенной силой этого мира, и я чую эту магию.

Он, шипя, растянул ее имя. Мурашки пробежали по спине от этого звука. Страх становился все сильнее. Айне не могла в это поверить. Он говорил какую-то чушь. Женщины, обладавшие благословенной магией, ценились больше несметных сокровищ. Их охранял целый культ Порядка, их берегли, холили и лелеяли. Да никто в здравом уме не перепутал бы нищенку и леди с благословенной магией. Она не могла быть одной из них. Это невозможно.

Голос красноглазого звучал пугающе ласково, обращаясь к ней, будто он терпеливо пояснял несмышленому ребенку сложную задачу.

— Ах, даже жаль прерывать такое твое никчемное, нищенское существование в грязи. То, как ты жила, даже радует, пешка, самое дно среди простолюдинов. Все это время ты выживала, копошась в отбросах. Но настало время умереть.

Он собирается убить ее?! — пронеслось в голове у Айне. Она должна переубедить его:

— Умереть? За что? Вы ошибаетесь, проверьте еще раз, я не обладаю никакой силой. Отпустите меня или спрячьте, я никогда вас не потревожу.

Красноглазый оставался неумолим, и страх, которого она еще никогда не испытывала, стал подниматься в ее теле, охватывая все ее существо.

— К чему столько лишних усилий с тем, чтобы скрыть тебя или отпустить? Для чего эти риски? В тебе нет ничего ценного, кроме того, что темный дракон охотится на тебя, и мне не выгодно это. Я предпочитаю быть дальновидным, и твоя смерть — надежное решение.

Из глаз Айне брызнули слезы, в горле стоял ком, она хотела, чтобы это оказалось просто плодом ее воображения. Один из мужчин позади заговорил, выступив из тени:

— Господин Ниадмор, отдайте пленницу нам, мы убьем ее, и никто даже не сможет узнать ее тело, если найдет. К рассвету в городе будет много трупов.

Айне все больше охватывала паника, из ее горла вырвался непроизвольный жалобный писк. Неужели она спаслась от огня, чтобы умереть сейчас?

Ниадмор отверг предложение с утомительным вздохом, словно все это ему невыносимо наскучило.

— Какова цель излишней жестокости? Ее просто не должно существовать. Это быстро, надежно и эффективно.

Крупная дрожь сотрясала тело, они так обыденно обсуждали ее смерть. Зубы выбивали дробь. Быстрым движением красноглазый схватил Айне за горло и сжал, не давая вздохнуть.

— Какая тонкая шея, ничего не стоит сломать ее. — Его хват стал жестче, Айне ощутила запах крови. — Что ты, не надо дрожать, ты и так прожила слишком долго, не стоит быть жадной. Темный дракон начнет на тебя охоту, ты не попадешь к нему, и это хорошая новость.

Он выпрямился, резко разжав хват. Айне с хрипом хватала воздух. Приказ подручным прозвучал, как приговор:

— Опоите ее снотворным, пусть она сама утонет в бухте во время нападения драконов. Все провидцы и предсказатели увидят, что эта смерть по стечению обстоятельств. С небольшой помощью, но это спишут на хаос в городе. Наше участие останется нераскрытым.

Айне встретила взгляд алых глаз, она лихорадочно трясла головой, отрицая происходящее.

— Айнерисса, даже умереть тебе надо правильно, особым образом.

Айне услышала неизбежное.

При этих словах ее зрачки сузились до точек от ужаса. Он достал небольшой флакон и поднес к губам, с силой надавил на ее челюсть. В рот влилась горькая жидкость. В глазах потемнело, Айне пыталась сопротивляться, но сознание затуманилось. Она смутно ощущала, что ее куда-то несут.

Три фигуры, скрытые плащами, тащили ее под руки по разрушенным улицам. По щекам девушки текли беззвучные слезы, но вялое тело едва переставляло ноги. Сил не хватало поднять голову. Часть ее сознания продолжала цепляться за мысль, что это все ошибка. Кто и для чего хочет ее убить?

Размышления прервал вид пепелища. Место, где столько лет жила Айне, теперь представляло собой черную пустошь с торчащими кое-где обгорелыми остовами. Вокруг тлели красные угли, воздух помутнел от дыма. Здесь было тихо, лишь потрескивали догорающие доски. Все тлело и дымилось, от пепелища шел жар.

— Стойте! — окликнул их детский голос. — Куда вы ее тащите? Кто вы?

Рори! — мелькнула мысль у Айне.

Мальчик, хромая, выступил вперед, часть волос обгорела, он прижимал одну руку к себе. Он думал, что сдержит огонь, подчинит себе, но переоценил себя и получил ожоги. Айне с болью смотрела на его тело, покрытое волдырями.

Мужчина в темном плаще окинул его пристальным взглядом.

— Маг огня, совсем юный, трудно представить, более бесполезное место для тебя сегодня. И что ты сделаешь? Спалишь все вокруг еще раз.

Из янтарных глаз мальчишки заструились слезы. Другой похититель сжал Айне крепче, потянулся к полам плаща.

— Мальчонка, хочешь золотой? Смотри, у меня есть золотой кусиль.

Рори затряс головой.

— Нет, я буду кричать, и меня услышат.

Золотая монета упала перед ним и подкатилась к его ногам.

— Ты обгорел, ты не поправишься, и твоя магия не раскроется. Здесь будет нечего есть, твоя семья будет голодать на пепелище.

Следующая золотая монета со звоном ударилась о камень и подкатилась к ногам мальчика.

— Ты ведь не хочешь, что бы твои сестры умерли у тебя на руках. А что если одна из них обгорела.

— Откуда вы знаете о сестрах? — Рори испугался.

— Такие, как я, многое видят, лишь взглянув.

Следующая монета покатилась к ногам мальчика. Айне безвольно смотрела, как золотые все катятся к ногам Рори, звон золотых монет среди черного пепла. Кусиль — красовался на каждой из них, символ мира. Айне лишь горько улыбнулась в янтарные глаза Рори. Ему только десять, он обгорел — она все понимала. Но надежда.

Глухой звон следующей золотой монеты прозвучал слишком громко.

— Хочешь весь кошель? — мужчина протянул увесистый мешочек, полный монет, и у Рори задрожала губа.

— А зелье хочешь? — мужчина достал бутылочку и откупорил ее.

Сделав шаг к мальчику, но тот отпрянул в страхе.

— Да не дергайся, — он капнул на его обожженную щеку, и кожа затянулась мгновенно, становясь здоровой. — Такого тебе не найти, с рассветом все исцеляющее будет слишком дорого.

Рори сдался, упав на колени перед монетами, блестевшими даже во тьме. Слезы струились по его щекам, дрожащими губами он беззвучно прошептал «прости» и зарыдал в голос над полным кошелем. Мужчины сунули ему в руки пузырек и продолжили путь.

Из горла Айне вырвался всхлип, надежда рассыпалась. Рори...

— Ты мог просто убить его.

— Господин уже сказал об излишней жестокости. Бедняки сговорчивы ради золота. Звон монет приглушит его совесть.

Они быстро миновали то, что осталось от района бедняков, и вышли на разрушенную пристань.

Айне осознавала, что идет по этим местам в последний раз.

Вот то оливковое дерево, где они с Бертой ели булочки, теперь черное, и дым вьется над обгорелыми ветвями. Айне подавила рыдания. Вот тот пирс, где Хитрый Том угощал их. Но ее тащили дальше, к частично уцелевшим пирсам, вдававшимся далеко в море. Огни подводного купола больше не мерцали — вода почернела от пепла.

Мужчины доволокли ее до самого края.

— Здесь достаточно далеко от берега.

Один из них запрокинул ей голову, очередной поток слез пролился по щекам. Айне чувствовала, как безвольное тело принимает остатки горькой жидкости. Это конец. Она ощутила, как зрение затуманивается. Руки немели. Берта, — думала Айне, — не забывай меня, найди себе хорошего мужа, может, того Тарлея.

Ее бросили, грубо пихнув с пирса в воду.

Чернота приняла ее в свои объятия, поглощая все глубже. Мужчины тут же исчезли.

Тяжелые юбки облепили ноги и тянули ко дну. Айне пыталась барахтаться, бороться. Еще один последний вздох. Нельзя сдаваться. Не в силах удержаться на поверхности, Айне вдохнула поглубже, погружаясь. Она отчаянно била руками, перебирала ногами, пытаясь хоть немного освободиться от ткани юбки.

Силы еще не оставили ее, надо постараться, иначе смерть. Она смогла добраться до опоры пирса и вцепилась в нее. Не удержаться, руки не слушаются. Она ломала ногти о скользкое дерево, волна накрыла ее с головой, чернота затягивала.

Перед глазами плыли искры, легкие горели. Вопреки ее воле тело попыталось вдохнуть. Айне глотала воду. Страх придавал ей сил. Она сделала рывок и на пару мгновений оказалась на поверхности. Еще один вдох сквозь кашель.

Вокруг плавали обломки. Мусора было так много, что вода превратилась в черный кисель. Если найти обломок достаточно большой доски. Хоть бы в этой черноте увидеть. Крупные обломки тоже должны быть.

Разум искал выход, отказываясь сдаваться.

Но Айне шла ко дну, как ни пыталась. Казалось, легкие разорвутся. При попытках вдохнуть она то и дело захлёбывалась морской водой, горло горело.

До нее донесся звук, будто что-то большое билось об опору пирса. Если добраться туда, если смогу.

Собрав силы, девушка сделала несколько увесистых гребков. Поблизости об опору пирса билась огромная балка. Она обгорела только сверху и была недавно в воде. Айне смогла дотянуться, хватая опору.

Она закинула на нее тяжелую мокрую юбку, потом кое-как взобралась сама. Балка держала вес и не уходила под воду.

О боги, я больше не тону, — пронеслось в голове у шокированной девушки. Она зашлась удушающим кашлем, ее стало мутить. Спазмы скрутили тело, черная морская вода выходила из протестующего желудка. Она кашляла, плакала, всхлипывала и смеялась.

Глава 8

Отдышавшись, превозмогая дурноту, первой мыслью Айне было направить свой плот к берегу. Сквозь слезы она видела, как пылал город. Драконы сражались над городом. Огненные вспышки озаряли небо.

Огромная тень со свистом спикировала и выпустила пламя. Огонь ударился в гору с чудовищной силой, закрутившись в пылающий смерч. Айне видела, как скала дрогнула, точки пожара поплыли, сползая в море. Огромный утес обрушился в бездну, поднимая волну.

Подводный купол содрогнулся с глухим звоном. Айне затаила дыхание. Там все выжившие.

Быстро опустив голову в воду, Айне попыталась разглядеть, но звук вибрирующего гула будто ударил. Вынырнув, она ждала, вцепившись в балку со всей силы. Звук стих, обломки больше не падали на купол. Подводный город устоял. Дрожь пробирала тело.

Спустя мгновение Айне захлебывалась в поднявшихся волнах — море вздыбилось, поглощая огромный утес.

Исполинский гребень заставил море отступить и с сокрушительной силой обрушился на берег, слизывая несколько метров суши, туша пожар и горящие пирсы.

Возвращаться нельзя. В городе опасно оставаться, красноглазый убийца может найти ее снова, и тот, о котором он говорил, тоже будет охотиться за ней. Лучше уйти из города.

Айне направила балку к выходу из бухты, длинные юбки она обмотала так, чтобы они держали ее.

Пусть для всех она умерла.

Ее сердце разрывалось от мысли — она больше никого не увидит из своей семьи, но оставшись, она подвергнет их опасности. Красноглазый придет за ней снова с помощью провидицы.

Она просто минует мыс и окажется вне бухты. Уйдет по дороге из Вифоса. Останется пропавшей после нападения.

Ее взгляд наткнулся на крупный выступ на балке. Его не было раньше. Присмотревшись, Айне увидела пронырливого кусиля, грустный мокрый зверек дрейфовал вместе с ней, тихо сидя на краю. Не сгонять же его среди моря? Он тоже натерпелся. Она перестала обращать на него внимание и продолжила путь.

Айне уже отгребла далеко от берега. Миновав бухту, она совсем выбилась из сил. Течение уносило их в сторону. Пылающий Вифос и бухта остались позади. Она позволила себе дрейфовать, остатки сонного зелья заставили глаза закрыться, и сознание погрузилось в сон.

Она пришла в себя в полосе прибоя, ежась от холода. В сумерках уже щебетали птицы. С трудом найдя в себе силы двигаться, превозмогая болезненную дрожь, она медленно выбралась на берег. Сил встать на ноги не было, голова шла кругом. Айне на четвереньках доползла до деревьев, которые росли сразу после полосы галечного пляжа, и легла на камни. Ручейки воды стекали с платья, шевелиться удавалось с трудом. Все тело болело.

Рядом в зарослях колючих кустов послышался шорох и возня. Айне даже не успела испугаться, кажется, ее уже ничего не напугает. На камни выскочил кусиль. Девушка поманила зверька, и он опасливо подошёл, дав себя погладить.

Она собрала ману у зверька и начертила руну огня на ближайшем из валунов, до которого смогла дотянуться. Камень нагрелся, излучая тепло, согревая озябшее тело. Здесь ее надежно укрывала растительность. Безопасность. Веки закрылись.

Во сне ее охватывал ужас: беспорядочные блики огня приближались. Ей снилось, что убийцы преследуют ее, что она бежит со всех ног по полыхающим улицам Вифоса, ища спасения, задыхаясь от гари, в густых клубах пепла. Она боялась красноглазого, и мужчина неот-

вратимо настиг ее. Стоило ему откинуть капюшон, как преследователь впился в нее золотыми глазами дракона.

Она резко села с криком, запыхавшись. В глаза ударил яркий солнечный свет. Айне потерла глаза и устало приложила руку ко лбу. Драконы и красноглазый слились в ее воображении, порождая образ преследователя.

Она одна среди камней в прибрежном лесу. Рядом слышался шум волн, перекатывавших крупную гальку в полосе прибоя. Все вокруг было мирным и не ведало об ужасах прошедшей ночи. Айне осмотрела себя: везде ссадины, на лодыжке — волдыри от ожогов. Она даже не могла вспомнить, когда обожглась. Страх и смятение не давали почувствовать боль, но теперь уставшее тело чувствовало все.

Пальцами, изодранными в кровь, она неловко расшнуровала ботинки, вытряхивая мусор. Если бы не тугие узлы, она потеряла бы их.

Платье оставалось сырым. После грязной морской воды ткань почернела и приобрела грязный, заскорузлый вид. Ощупав волосы, Айне наткнулась на черную корку. Кажется, одна из заплетённых кос еще держалась и оставалась скрученной в подобие гульки, залипшей грязью. Часть прядей свисала слипшейся паклей. Прикоснувшись к лицу, девушка ощутила, что брови обгорели, а губы пересохли и потрескались.

С трудом поднявшись, Айне пошла к линии прибоя. Галечный пляж усеяли обгоревшие обломки всех размеров. Вода оставалась грязной и мутной. Ветер пронизывал мокрое платье, заставляя дрожать. За мысом, там, где был город, поднимался столп дыма.

Неверной походкой Айне осторожно ступала по камням пляжа. Никакие травинки не прорастали вокруг ее стоп. Ее магия не проявлялась, настолько она обессилила.

Зашнуровав ботинки потуже, Айне побрела прочь сквозь подлесок, подальше от полосы прибоя. Море оставалось за спиной. По одну сторону, за холмами, остался опаленный город. Если идти через прибрежный лес, то она выйдет на тракт, ведущий из города в глубь материка. Она пошатнулась, наступив на корень, пытаясь унять накатившую тошноту, оперлась о ствол дерева. То зелье отвратительно, живот до сих пор болезненно скручивало.

Айне вздохнула и продолжила путь.

Продолжая медленно брести между деревьями, она не понимала, почему столь могущественные существа этого миражелают ее смерти? Лучше покинуть Вифос и окрестности, затеряться в глуши и тихо жить в деревне. Подальше от темного дракона, охраняющего границы с землями нежити.

Вопросов оставалось слишком много: почему барьер не сдержал драконов? Зачем они напали? Что с городом? Что с теми людьми, которых она знала?

Айне все брела, в мыслях роились вопросы, заставляя ее голову раскалываться. Самый первый вопрос, который ее смутил, касался более насущного: она выйдет к людям и как ей объяснить свой внешний вид? Что, если ее появление будет подозрительным?

Между деревьями показался просвет. Лес сменился полем, вдалеке виднелся тракт. Издали виднелось, как по большой дороге группами брело множество переселенцев из Вифоса. Медленно продвигались обозы и телеги, над дорогой поднимались облака пыли.

Айне направилась к тракту, никто не обращал на нее внимания. Она выглядела немногим хуже, чем все: в черной грязи, вперемешку с сажей, без поклажи. Она закашлялась от пыли. Да уж, о внешнем виде совсем не стоило переживать.

Прибившись к горстке медленно идущих женщин, она с тоской посмотрела на сумку сухарей у одной из них. Хромая женщина, опиравшаяся на палку, перехватила ее взгляд, заговорила:

— Мы выходили через дальние ворота города, там еще раздавали помощь. Держи. — Спутница протянула Айне руку, покрытую сажей, — Не стесняйся, времена такие. Возьми еще горсть. Мы недалеко идем, нам хватит.

Айне приняла сухари, пряча их в карманах юбки. Они сейчас так помогли ей.

— Откуда ты? Я Ильда.

Проглотив жесткий сухарь, отдававший плесенью, Айне закашлялась. И ей протянули бурдюк с водой, она с жадностью отпила.

— Спасибо. Я из района с деревянными домами, который начинался возле самого края бухты. Он сгорел дотла, ничего не осталось. Дракон, сжигавший корабли, полетел вверх вдоль улиц, выдыхая столпы пламени. Огонь заставил бежать меня к морю, — соврала Айне. Лучше этим женщинам не знать правды.

Хромая Ильда кивнула, опираясь на палку.

— Нападавшие драконы прилетели из-за моря, они заранее покрыли себя сажей, их и не разглядеть в темноте. Так говорили у городских ворот, когда мы покидали город. Каким-то образом они разрушили один из источников, поддерживающий магический барьер Вифоса, и защитный купол получил брешь...

Женщины тяжело вздыхали, вытирая слезы по грязным лицам.

— Они выжгли всю бухту, все корабли и много атаковали главный дворец на холме. Боевые драконы Вифоса поднялись в воздух и сражались, маги тушили пожары. Мы шли через пылающий город к проходу в подводный купол. Он был полон людей. А когда скала ударилась о него, мы едва не оглохли. Говорят, некоторые видели, как от раскаленных обломков закипала морская вода.

Спутница понизила голос и указала палкой в сторону толпы людей:

— Самый большой из бедных районов Вифоса уничтожен. Один из вражеских драконов так опалил камни пламенем, что скала обрушилась раскаленными обломками. Многие бедняки вокруг жили именно там. Бесславное море оправдало прозвище своих вод. Белые скалы теперь почернели.

Это сделало не море, а королевства за морем, но Айне промолчала. Она помнила то место: деревянные хибарки жались друг к другу вдоль берега под отвесной скалой. Вчера это произошло на ее глазах.

Отовсюду доносились тихие шепотки, и Айне прислушивалась:

— Купол поврежден, — бормотали люди, — когда Вифос снова станет защищенным, неизвестно. Многие считали, что лучше уйти. Незадолго до нападения город стал вассалом империи. Его местоположение слишком удобно для вторжения за море. Но по другую сторону моря предпочитали захватить Вифос первыми и вторгнуться в империю. Из всего этого следовало, что драконы снова нападут на город, лишившийся защиты.

Дорога шла через небольшой холм. Взойдя на вершину, Айне оглянулась. Много переселенцев покидали город, слишком много. Идти в поднимаемой пыли становилось все невыносимее. Многие прятали лица под повязки, чтобы хоть немного меньше вдыхать грязь.

Ближе к вечеру группа, к которой примкнула Айне, свернула на боковую дорогу. Там в стороне они собирались заночевать у колодца с водой. Все колодцы, встречающиеся поблизости от тракта, оказывались вычерпанными.

Добравшись до деревни в отдалении, можно было отдохнуть. К ним пришли несколько женщин и принесли простой еды. Айне досталась картофелина. Деревенские бросали неприветливые, колючие взгляды на пришлых.

— Наместник приказал всем помогать, кто чем может. Вот они и помогают. Хорошо хоть вода есть. — хмыкнула хромая Ильда и осторожно пристроила ногу.

— Разве не благоразумно поселиться в деревне?

— Погорельцев слишком много, даже полста лишних ртов бремя для большой деревни. Нужно будет рубить лес на избы, расчищать новые пашни. А это большой труд. Вот все и идут куда подальше, чтобы пристроиться или к родичам, где примут.

Для Айне услышанное означало: чем дальше она уйдет, тем лучше.

— А ты разве не к родственникам идешь в глубь континента?

Ее никто не ждал в целом свете, кроме того места, куда она не могла вернуться. Айне соврала:

— К семье моего брата, они живут довольно далеко, у тракта ближе к столице.

— Ох, неблизкий путь, но раз у тракта — значит богатая деревня.

Айне проглотила слезы и улыбнулась хромой Ильде.

Поздним вечером Айне много раз подходила к колодцу и пила. Казалось, горечь зелья невозможно запить, отвратительный вкус преследовал ее. Она умыла лицо и немного промыла одну прядь волос, с облегчением заметив, что пряди могут отмыться и вернуть себе светлый цвет. Ее уже не беспокоило, что спать надо прямо на земле, просто примяв полевые травы. Все слишком устали.

Куда ей идти? Где остановиться? Уна и Берта ее семья — они успели, они спаслись. — Айне чувствовала это сердцем.

Ночью она резко проснулась от того, что ее схватили грубые руки. Айне попыталась закричать, но в рот тут же сунули грязную тряпку. Оба запястья туго обмотала толстая веревка. Несколько мужчин схватили ее и проворно бежали от колодца к ближайшим деревьям.

Никто не проснулся, Айне не удалось издать ни звука. В свете луны стало видно, что ее похитители одеты, как охотники. Неужели тот красноглазый снова нашел ее и пытается убить? Отойдя далеко в лес, мужчины остановились. Они ловко связали ей ноги, легко преодолев сопротивление, Айне удалось лягнуть одного как следует. Тот выругался:

— Кабанья задница! И так сойдет, иначе она нос мне сломает. Поторопимся!

Самый крупный из них взвалил Айне на плечо, как мешок. Когда они достаточно удалились от места стоянки, мужчины стали переговариваться громче:

— Какой хороший улов, молодая девка. Хорошо, что Грюк договорился с женщиной из деревни. Продадим еще и ее. Заживем. Эти погорельцы прям овечки, которые просят, чтобы их общипали. Легкая добыча. Тем более среди тех женщин. — Они грубо заржали.

Айне протестующе замычала. Но твердое плечо угодило ей под ребра, и из нее вышибло дух.

Вскоре послышалось ржание лошадей, показалась узкая дорога, там поджидала телега. Связанную девушку легко швырнули среди мешков, и телега покатила в сторону холмов, скрытых густым лесом.

Айне с ужасом складывала факты из услышанного. Одна из деревенских женщин увидела, как Айне умывалась, и рассказала о ней похитителям. Рассказала, где Айне легла спать, что в группе только пожилые женщины. Из всех она одна того самого «товарного» возраста. Ее продали! Как она могла попасть во все это? Ее похищали уже второй раз. Она и рада бы потерять сознание, но ее нервы уже не реагировали на потрясение.

Что происходит с ее судьбой, будто она притягивала странные происшествия. Нет, скорее дело в катастрофе, она действительно легкая добыча.

Айне просто смотрела в небо, колеса телеги тихо поскрипывали. По небу среди звезд плыли все три луны, воздух пах лесными травами. Телега кренилась, набирая ходу в небольшую горку, и спускаясь, чтобы снова подниматься.

Все вопросы отступили, она вспомнила сказание этого мира о небесных китах. Небесный кит — огромное существо, он парил в небе и иногда спускался в море. Его плавники были похожи на крылья. Они парили высоко в небесах, и на землю доносились их печальные песни. Вокруг кита струился поток горячего воздуха. Когда он плыл по небу, свет звезд в горячем мареве искажался, и с земли казалось, будто сами звезды расступаются перед ним. Их называли небесные киты, качающие звезды.

Айне казалось, что она видит легендарных существ высоко в небе. Но телега резко остановилась, раздались голоса, и девушка поняла, что все-таки задремала связанная. Уже светало,

звезды давно потухли. Они приехали в лагерь разбойников на большой поляне, вокруг высились деревья и плотные заросли.

Глава 9

Замок Альфард одиноко возвышался на границе между вздымавшейся горной грядой и равниной горелых пустошей. Величественная твердыня из черного камня, словно была частью скал вокруг, царствуя над голыми пиками и темными равнинами. Он горделиво высился над окружающим сумрачным ландшафтом.

В одной из башен владыка пепла Альдгрейн мрачно осмотрел свое запястье. На нем проявлялась обручальная метка. И это было невозможно. Он, как никто другой, знал об этом. Даже запрещенная магия и цена — проклятие, грызшее его тело двадцать лет, — не смогли исправить его одиночество.

Его несостоявшаяся невеста была в браке уже несколько лет. Он смирился, оставил амбиции развить свою силу и обрести королеву, пару, что предназначена самим мирозданием именно ему. Он оставил союзников еще пять лет назад, когда в горстку пепла превратились его надежды на судьбу.

И вот теперь, когда отряд враждебных боевых драконов прилетел из-за моря, у него на запястье проявляется невнятная обручальная метка. Альдгрейн предполагал уловку от союзников. С его военной мощью он мог легко устранить угрозу и пострашнее. Сотни лет он воевал с монстрами на границе земель нежити, являясь правителем пустошей пепла, или как еще называли это место — Горелая пустошь. Он оставался непреодолимым препятствием для нежити, если им не спалось в своих могилах и грехи прошлого заставляли их снова топтать эту землю.

В зал вошла Сибил, светлая провидица, живущая в замке.

Они вдвоем являли странный контраст: владыка пепла и праха всегда носил черное. Часть его одежды всегда составляли доспехи из черненого металла с заостренными краями, покрытые магическими рунами, придавая Альдгрейну вид неотвратимого рока.

Сибил же, наоборот, владела силами светлого предвидения и целительством, всегда носила белое. Светлые струящиеся ткани окутывали ее фигуру, делая ее вид эфемерным. Белые волосы украшала тиара из тонких серебряных нитей, мерцающих в светлых прядях. Она изящно наклонилась, не теряя царственного вида, и произнесла мелодичным голосом:

— Владыка Альдгрейн, вы все обдумываете, не наказать ли мошенников, которые осмелились пытаться изобразить брачную метку?

— Да, Сибил, было бы неплохо отправиться туда и напомнить им их место, заодно выяснить, чья же это такая тонкая идея — заманить меня в союзные земли на подмогу.

— А что, если это ловушка врагов? У вас масса недоброжелателей в совете империи

Альдгрейн криво усмехнулся, его улыбка не предвещала ничего хорошего.

— Враги... необходимо ответить на приглашение, чтобы врагов стало меньше. На Вифос напали драконы из-за моря, думаю, тот культ испекся.

Тон Сибил изменился на более серьезный:

— Примете облик дракона и полетите туда?

С ядовитой весёлостью Альдгрейн фыркнул:

— Много чести для них видеть мой драконий облик. Возьму одного из боевых драконов легиона. Если я принесу трупы, Сибил, ты сможешь их допросить?

Сибил поморщилась, ее сила противилась таким формам магии. Но война есть война. Она не смела отказать.

— Конечно, мой владыка.

— Тогда не вижу смысла медлить, раз меня приглашают.

Над плечами Альдгрейна взметнулся столп искр, Сибил ощутила волны жара. Он был зол. Кто бы там ни был, их конец неминуем.

***

У подножия холма, в лесу. На стоянке разбойников.

Повозки, крытые брезентом, и несколько телег стояли широким полукругом. В центре горел костер. Айне было не по себе от вида пламени после пережитого. Возле костра сидели мужчины, всего около дюжины человек. Гомон и веселые выкрики доносились от них. К ней подошли похитители и еще один тучный мужчина. Громким, пропитым голосом он заговорил:

— Эй, парни, ну показывайте, кого привезли?

Айне вздрогнула. Грубые руки выволокли ее из телеги и поставили связанную на колени перед толстяком — их предводителем. Он окинул ее взглядом и брезгливо поморщился.

— У вас что, глаз нет, что вы притащили?!

Но детина, что тянул Айне на плече, возразил:

— Не торопи, Грюк. Женщина из деревни сказала, что ей побольше двадцати лет, черты лица тонкие, волосы, если промыть, светлые. Когда я ее тащил, формы у нее тоже есть, хоть и худощавы, но это поправимо. Она хороший товар.

— Да, что ты? — сомнительно прокряхтел главарь, продолжая обшаривать взглядом тело девушки. Сплюнув в сторону, он задумчиво почесал щетинистый подбородок.

— Эй, тощий, тащи сюда факел, ничего не видно, надо подсветить нашу гостью, — и хохотнул, облизывая сальные губы.

Тощий принес, что просили. Айне сжалась, факел приблизился к ее лицу, она изо всех сил пыталась не думать, что огонь так близко, но страх все же сковывал ее до оцепенения, сердце колотилось. В языках пламени тонула воля.

Грязная рука развязала кляп и приподняла подбородок, заставляя подставить лицо к свету.

— Да уж, и впрямь хороший улов, а я уж думал, придушить ее как предыдущих, чтобы не тратить припасы, дожидаясь, пока прибудет наш посредник. Но за нее, похоже, можно будет неплохо выручить. Может, нам попробовать ее, а то, может, мы еще чего ценного не рассмотрели? — Разбойники загоготали, увесисто хлопнув по плечу предводителя.

Айне охватил ужас. Они делали это много раз. «Предыдущие» — сердце словно замерло в грудной клетке.

— Тощий, посади ее возле телеги, дай ей плошку воды.

Тощий перетащил связанную девушку к повозке и усадил ее так, чтобы она могла опереться спиной о колесо. Поднеся к ее губам плошку воды, Тощий предупредил:

— Сиди тихо, и кляп пока не понадобится. Может, Грюк, выпив чарку-другую, не вспомнит про тебя. — Тощий улыбнулся, сверкнув железным зубом, поднося еще воды к ее губам. — Пей еще. Нам сподручнее продать тебя, а не отдавать командиру. Так что помалкивай. Он сильный маг, ему перечить не станут.

Тощий ушел.

Айне осматривала лагерь разбойников. Они собирались продать ее в рабство на другую сторону Бесславного моря. Или сделать что-то еще похуже. Дрожь отвращения пробежала по телу.

Надо попытаться выбраться. Кисти рук связали так, будто сейчас веревка передавит их. Она пробовала ими пошевелить, но лишь содрала кожу запястий о грубые волокна. Казалось, это вообще не веревка, а корабельный канат.

С лодыжками дело обстояло лучше. Не зря она лягнула одного как следует. Мятые юбки обеспечивали некоторые зазоры в путах. Нужно попытаться ослабить веревки на ногах. Волдыри на обожжённых лодыжках были безжалостно содраны в попытке освободиться. Больно, но хват веревки немного ослаб. Она не знала, как далеко получится убежать, но лучше это сделать сейчас.

Заметив, как главарь шайки указал на нее и отдал какие-то распоряжения, Айне замерла. Никто не должен заметить ее попыток освободиться. Седой мужик направился к ней с ведрами

воды. Айне настороженно следила за ним. Он легко поднял ведро и окатил ее холодной водой, затем второе ведро вылилось прямо ей на голову.

— Господин Грюк велел тебя освежить, чтобы ты нас порадовала, но, вижу двух ведер маловато, — хохотнул лысеющий старикашка.

К ним подошел главарь, осмотрел результат и причмокнул.

— Я не против стащить с нее эту тряпку и собственноручно вымыть. Тащи еще ведра воды и давай побольше. — Глаза главаря плотоядно заблестели.

Айне вжалась в колесо телеги, с ужасом представляя, что ее ожидает. Нижняя губа девушки задрожала.

Главарь разбойников видел это и наслаждался ее страхом. Он продолжал запугивать свою жертву:

— Может, мне привязать тебя вон к тем деревьям, одну ногу к одному стволу, а другую к тому подальше, чтобы они оказались разведены пошире. А видишь этот ремень? Он тоже может тебя приласкать. — Он указал на металлическую бляшку под огромным брюхом.

Айне невольно проследила взглядом, куда он указывал, и ей стало дурно. Она нервно сглотнула, пытаясь унять смесь паники и отвращения. Не отрываясь, она следила, как он снимает ремень, приближаясь к ней вплотную.

— А теперь запоминай: я — господин Грюк. Повтори.

Айне упрямо молчала, глядя ему в глаза.

Он замахнулся и хлестнул ее ремнем.

Она ощутила, как боль обожгла ее бок, едва не задев грудь. Вскрикнув, она дернулась, натягивая веревки. Пытаясь хоть немного заслониться связанными руками. Глаза наполнились слезами, готовыми пролиться.

Главарь разбойников впился взглядом в скорчившуюся фигурку. Айне видела, как ее страх доставлял ему удовольствие. Грюк поправил штаны в паху, заправляя ремень обратно. Она выдохнула: нового удара не последует. Пока не последует, если она не сбежит.

Он наклонился, больно впиваясь толстыми пальцами в подбородок девушки, вынуждая встретиться с ним взглядом снова. Он смотрел ей в глаза, пока его вторая рука до боли сжимала ее бедро, лапая, показывая ее беспомощность. Казалось, он может сломать ей кости. Обдав Айне пропитым дыханием, он прохрипел:

— Мне нравится видеть багровые рубцы на светлой коже, они так украшают. А ты еще неплохо визжишь. Но сначала устроим тебе ванну.

Он отвесил Айне пощечину, отчего она упала на траву.

Девушка боялась пошевелиться, пока не услышала звук удаляющихся шагов. Во рту появился привкус крови, алая капля упала рядом на траву. Проведя языком по пересохшим губам, она ощутила, что нижняя губа треснула и кровоточит. Надо бежать.

Глава 10

В лагере поднялась суматоха, ничего не происходило, но становилось темней, будто сейчас не утро, а уже вечерние сумерки. Видя, что на нее никто не смотрит, Айне принялась пытаться освободить ноги, забыв о всякой осторожности. Наконец у нее получилось, хвала богам. Веревка осталась болтаться на одной лодыжке.

Надо бежать, она устремила взгляд на головорезов, но они хватали оружие и не обращали на нее внимания, рассредоточиваясь по поляне. Повисло напряжение, они боялись и смотрели вверх. Один из них бросил оружие и убежал в лес, вопя от страха.

Айне хотела бежать, как услышала уже знакомый свист. Она не успела опомниться, как на поляну обрушился столп огня. Волной горячего ветра ее закинуло под телегу.

Послышались вопли и крики, звук ревущего пламенного потока заглушил их. В стороне раздался лязг металла, все вокруг заволокло тьмой, будто сейчас ночь. Стоявшая неподалеку повозка просто истлела на глазах у Айне, превращаясь в кучу краснеющих углей, над которой закружились искры.

Она выползла из-под телеги, но в смоге трудно отыскать направление. Земля содрогнулась, пронесся порыв сокрушающего жара. Айне упала на землю и сжалась, повозку позади отбросило на бок. Пучки травы вокруг тлели и дымились. От порывов жара, проносившихся над поляной, смог только усилился. Дыма становилось все больше. Айне закашлялась, оглядываясь, открыто ничего не горело.

Ползя на ощупь, она сама не понимала куда. На ее пути оказались тлеющие обломки одной из повозок. Не раздумывая, она приложила узел веревки на запястьях к раскаленным углям. Узел горел, обжигая кожу, из глаз лились слезы. Из горла прорывались рыдания, но надо потерпеть еще. Наконец узел перегорел и распался, освобождая израненные руки.

Айне сделала неосторожное движение, пытаясь не потерять направление к остаткам обгорелой телеги. Оглядываясь назад, в самые густые клубы удушающего дыма, туда, где еще полыхало пламя, там стояла высокая фигура в черненых доспехах, лицо укрыто капюшоном плаща. Рыцарь сжимал меч, по отточенному лезвию струились языки огня. Позади рыцаря возвышался дракон.

Айне увидела, как Грюк сотворил заклинание ветра, призывая потоки воздуха. Он лишь немного рассеял клубы дыма, возвращая частичную видимость. Грюк бросился с мечом в атаку. В руке рыцаря вспыхнул меч, одним легким движением он выбил клинок у разбойника. Сделал шаг вперед и другой рукой вспорол толстый живот. Грюк с хрипом упал на колени, и огненный меч снес ему голову. Тело рухнуло на землю, а голова, подпрыгивая, покатилась далеко в сторону.

Глаза Айне распахнулись от ужаса, она видела, как с черной перчатки течет густая кровь и падают куски плоти. Она прижала обожжённую руку к губам, в горле застыл немой крик. Нельзя кричать, иначе чудовище ее заметит.

Повсюду вокруг была смерть, все умирало, чернело и тлело, распадаясь на угли. Будто сам темный жнец явился в этот мир забрать ее душу, направляясь в ее сторону.

Она хотела бежать прочь, но ноги отказывались ей подчиняться. Глаза метались. Куда ползти? Где укрытие? От густого дыма и пепла, парящего в нем, не удавалось понять направление. Теперь она точно знала, что кроме кары богов этого древнего мира с небес может поразить чудовище пострашнее. Дракон издал рык и взмахнул крыльями — поток ветра развеял мрак, позволяя видеть хотя бы на несколько метров вперед.

Тишина опустилась на поляну. Она слышала дыхание огромного зверя позади. Айне спешила, она смогла разобрать в сумраке опаленный остов повозки и поползла к шатким остаткам. Нельзя двигаться слишком резко, это может привлечь внимание. Медленно продвигаясь,

она припадала к земле, хлопья пепла поднимались в воздух от каждого движения. Рука задела очередную горсть, опустив глаза, она поняла, что подняла в воздух то, что было одним из разбойников. Он просто превратился в прах. Железный зуб остался лежать на земле — Тощий, то что осталось.

Беззвучные слезы, не переставая, катились по щекам, смешиваясь с сажей, чертя соленые дорожки на лице. От всеобъемлющего ужаса зубы выбивали дробь. Айне не могла их успокоить.

Она обреченно размышляла. Это мой конец? Нельзя избежать смерти дважды или даже трижды? Бесконечная чернота, словно подземный мир, — последнее, что она увидит в жизни, или она уже мертва?

Она замерла, сжимаясь в комок. Он идет. Айне стала молиться тому темному дракону, дарующему легкое избавление. Ожидая, что в следующее мгновение превратится в горстку праха, как и тот разбойник.

***

Альдгрейн ощущал ее, ощущал ее ужас — ту, с кем его связывала метка. Все в нем звенело от приближения к ней. В сознании оставалась одна мысль: «Защитить». Обратить в пепел все, что может ей угрожать.

Он был ошеломлен своими ощущениями от связи со своей предназначенной парой. Медленно приближаясь, он делал шаг за шагом, борясь за контроль над собой, с желанием разнести здесь все. Клубы дыма и пепла расступались перед ним. Альдгрейн ощущал, что она здесь, но ничего не видел. Прямо здесь, но никого нет!

Может, он был прав, и это ловушка? Просто способ? Враг рассчитывает сбить его с толку эмоциями — лезвие меча в его руке полыхнуло драконьим пламенем. Кто бы это ни был, его расплата будет мучительной. Его глаза сузились: если это ловушка, то ее смысл не в кучке жалких разбойников, сдохших от одной атаки.

Дракон позади издал рокочущий звук, искры взвились из зубастой пасти. Горло засветилось алым светом. Альдгрейн поднял руку, успокаивая зверя, приказывая ждать.

Его тело напряглось, становясь каменным, ожидая серьезного противника. Но вместо этого он услышал тихий всхлип и невнятное бормотание у своих ног — почти закопанная в пепле женская фигурка. Она сжалась и молилась о легкой смерти. Она молится мне? Тот культ, она одна из них?

Повинуясь его силе, пепел полетел в сторону, освобождая силуэт девушки. Он ощущал, что это ее приказывал защищать древний инстинкт. Но это ребенок, обычный крестьянский подросток, трясущийся от страха.

Медленно он стал осознавать, что она в ужасе от него. Ему нужно защитить ее от себя самого.

— Встань, — приказал Альдгрейн.

Маленькая фигурка вздрогнула и сжалась еще больше в углубление в земле, пытаясь стать совсем незаметной. Он оказался рядом, сделав всего один шаг. Протянул руку, закованную в броню, и взявшись за худое плечо, поставил дрожащую фигурку перед собой. Это определенно женщина, на одном из израненных запястий болтался кусок толстой веревки.

Он вдохнул воздух, своим обостренным обонянием ощутил пьянящий аромат цветов. Невозможно! Все вокруг заполняли тлеющие остатки, но для него она пахла медовым цветущим лугом. Он пытался что-либо разглядеть в ней, какая она? Но ее всю покрывали грязь и пепел. Она едва стояла, сжавшись и дрожа, ее губы все еще бормотали еле слышную, сбивчивую молитву одному из драконьих богов. Похоже, она уже сама потеряла, какому божеству возносить молитвы.

Альдгрейну казалось, если он ее отпустит, она рассыплется, как и все вокруг, что стало пеплом. Он сделал движение рукой, втыкая меч в обожжённую землю. Как вдруг она вскрикнула, дернулась, и ее тело безвольно обмякло. Он легко удержал ее.

Его инстинкты бунтовали против него самого же. Защитить ее от себя, потому что она в ужасе от него. Почему она вообще боится, разве она не ощущает связь? Сняв с себя плащ и завернув ее, он бережно взял свою ношу. Направился обратно к дракону, осторожно прижимая ее к себе, чтобы острые края брони не могли ее поранить.

Судьба, похоже, дала ему второй шанс, и это добавляло вопросов. Но все они меркли от того чувства, что восставало в его груди и пылало сильнее самого яркого пламени. Этот огонь придавал ему сил, он чувствовал, что готов бросить все к ее ногам. Такова сила связи предназначенной пары.

Он даже не мог понять, как она выглядит, сколько ей лет. Но их уже связывало что-то невидимое, ее эмоции откликались в нем. Она боялась его, и это причиняло ему боль. Он видел тонкие лодыжки, израненные руки, сжав челюсти от гнева, он захотел убить этих разбойников еще раз, более мучительно. Его дракон наклонился, опустил крыло, позволяя хозяину подняться к нему на спину.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.